

Илья Соколов

Живородящий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41185117

SelfPub; 2019

Аннотация

Полиция Сновидений пытается поймать серийного убийцу. Напуганные жители города подсади на препарат, блокирующий сны. А в "Психотеатре" всем довольны: актеры и главный режиссер занимаются любимым делом, они на пике успеха. Вот только популярная журналистка, обзоревающая премьеры нейрофильмов, громит их в каждой статье. Возможно, с этим связан другой загадочный маньяк, который носит прозвище Живородящий. И обитает он в пространстве ужаса и любви... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая: «Психотеатр». Опасность сновидений	5
Часть вторая: Смерч – это круто!	101
Конец ознакомительного фрагмента.	112

В оформлении обложки использована иллюстрация с horrorzone.ru по лицензии СС0.

И на всей земле милее нет
Дорогой, любимой, самой-самой,
Той, что подарила жизнь и свет,
Той, кого зову я милой мамой.
Владимир Муханкин, серийный убийца

Похоть же, зачавши, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть...

Апостол Иаков, 1 : 15

Часть первая: «Психотеатр».

Опасность сновидений

Полина не знала, с чего начать. Статья должна красоваться на столе у главного редактора уже завтра утром.

Журналистка стала бродить по своей эмульсионной квартире, пытаясь проникнуть в сонный транс, чтобы хоть как-то стартовать работу. Девушка включила безоболочный телевизор чуть громче. Безликий диктор забубнил ночные новости планеты Земля. Вечер переставал быть мрачно-скучным творением законченного дня. Гордая синева неба над городом рисковала совсем скоро исчезнуть за звёздной завесой ночи.

Полина нежно присела к ноутбуку и попыталась продумать начало очередного обзора. Она имела удовольствие вести колонку нейро-кино в лучшей газете города за очень немалые деньги, но вся сложность её работы шифровалась в том, что новые постановки выходили чуть ли не каждый день. Особенно блистал «Психотеатр», стараясь удивлять зрителей вообще два раза в неделю, не давая Полине даже намёка на полноценный выходной. За это девушка мстила поистине разгромными статьями в адрес ненавистного заведения.

Вот и сейчас ночью она напечатала на голосовой клавиатуре свой новый «плевок» в подлую душу личности режиссёра «Психотеатра» (ноутбук записывал слова на слух, стараясь не думать про более приятные занятия).

Закончив, Полина злорадно заулыбалась, несколько раз провела ладонями по красивому, фотогеничному лицу, словно смывая эмоции, и выслала воздушный поцелуй своему отражению по почте.

Её внимание переместилось в сторону телемонитора. Усталый диктор ночного инфо-выпуска заговорил совсем зловещим голосом:

– И в конце – немного о самом главном. Как стало известно нашей службе отчёта убитых, он снова **это** сделал... Серийный убийца по имени Смерч прикончил очередного бодолагу, сообщает наш неменяемый корреспондент. Да-да, вы подумали верно – Смерч записал весь жуткий процесс уничтожения человека во сне на видео. Уже завтра диски с этим нейро-материалом поступят в общественную продажу, как говорят vd-пираты, по самой мизерной цене для такого роскошного кошмара... Помогите нам Бог пережить этот ужас. Уважаемые граждане, сохраняйте настройки «бдительность – максимум» как можно дольше. Наивысшая власть уже распорядилась бросить все заурядные преступления и ловить маньяка, я цитирую: «Успешно, эффективно, без сна и отдыха, но тактически грамотно», конец цитаты... Убийца в сновидениях Смерч продолжает своё сложное дело. Его

не страшит многоступенчатая казнь, не пугают анонимные штрафы. Именно по этой причине всем нам следует жить, работать, молиться, платить по счетам, не скрывать подсобительные доходы от налоговой службы и принимать блокиратор сновидений, недавно поступивший в общественную продажу, как говорят фарм.-врачи, по самой мизерной цене для такого полезного препарата... Помните, дорогие граждане, государству крайне важна ваша дальнейшая кредитоспособность. У меня на этом – обрыв потока информации. До встречи в новых выпусках, оставайтесь на нашем канале.

Полина словно закоченела душой.

Девушка находилась под таким впечатлением, что даже не сразу смогла выключить tv-экран, бессознательно посмотрев рекламу криогенных колготок, транзитного чая, кремоз в удобной упаковке и новомодного мортуария при развлекательном центре «Полюс».

Но вот экран погас (при провале внимания он отключался автоматически). Обскурную комнату освещал лишь свет «лица» уснувшего ноутбука, а ещё печально-мрачная луна, глядящая в окно на Полину.

Девушка пошла на кухню, открыла банку пива «Прайм» и сделала пару бутербродов с «Вечной» колбасой. О диете она не помышляла – режим работы заменял ей ускоренный метаболизм с лихвой.

Наслаждаясь закуской, прихлёбывая пиво, Полина дума-

ла о многом, но больше всего – об этом загадочном Смерче. Журналистский инстинкт указывал девушке на то, что незаменимый «антидрим», недавно выброшенный на рынок, и серийный маньяк сновидений связаны, как заложники в подвале, как гитарист и бас-гитарист, как цветы и весна, как облако грозы и небо ночи...

Закончив с бутербродами, девушка допила пиво. Её статья утром будет у редактора перед очками в замшевой оправе. Он самодовольно порадуется успеху своей сотрудницы (юной, талантливой, красивой, саркастичной).

Полина, мило ухмыльнувшись, словно кошка в ящике Шрёдингера, поправила свою чёрную чёлку серией мягких движений. Решив не принимать капсулу блокиратора, чернильноволосая журналистка пошла спать на свой страх и свой риск.

Главный редактор газеты «Телескоп мозга» дочитывал вслух сверх-свежую статью юной и талантливой обозревательницы рубрики нейро-кино:

«...А что ещё скажешь про такую постановку? Датский принц выглядит безумным нацистом, зачитывающимся Ницше на глубине затонувшего «Титаника».

Ведущая бездарность «Психотеатра», наш обожаемый Илюша Лиссов на этот раз особенно ярко показал свой уровень актёрского неумения раскрыть характер исполняемой роли. Его Гамлет будто сбежал из дурдома, где, видимо, ра-

ботал главврачом.

Более того, Лиссов абсолютно не способен выучить текст хотя бы на десять процентов, что было вновь подтверждено на вчерашнем спектакле.

Филигранные побои в сцене убийства Полония смотрятся также жалко и смехотворно, как момент плевок Клавдия в ухо спящего короля ядом кураре. Но апофеозом этого нейро-фарса является, бесспорно, сцена аутопокаяния Клавдия, который наигранно бьётся о телефон в закрытом лифте, и мозгораздирающий монолог Гамлета на кладбище, где вялые могильщики раскапывают электрический стул.

По качеству игры женский состав труппы ни сколь не отстаёт в плане уродства воплощаемых персонажей. Офелия всё время пляшет что-то балетное, то и дело срываясь на танго и чечётку, а Гертруда в финальном акте просто пьяна.

Бессмысленная болтовня трупов после завершительной реплики Гамлета, которому даже собственная смерть не слишком мешает петь, становится конечной точкой невозврата из бездарной шизофрении, что царит в недрах души автора и режиссёра всех постановочек «Психотеатра» – господина Дюйма. Актёры не могут преодолеть порог безвкусной пародии на классику. Уровень их безнадёжной игры прекрасно соответствует определению «полнейшая пошлятина для захолустных дурачков». Ждём дальнейших провалов в уход от реальности, а также удивительных фиаско труппы «Психотеатра».

Автор статьи: Полина Лисова».

Редактор остановил просмотр цифрового листка и с улыбкой довольного льва поглядел на Полину.

– Bravo, девочка. Каждый твой очерк повергает всех нас в эстетический экстаз доисторических обезьян, овладевших Интернетом.

Он откинулся в кресле из кожи волнистого носорога, снял с носа очки и начал чистить щёткой их замшевую оправу. Полина ожидала последующих реплик.

– Ты не зря получаешь свои деньги здесь. Кстати, скажи, ты этому Илье Лисову кто? Сестра? Я тебя об этом редко спрашиваю, ведь так? – взгляд главреда выползал исподлобья. Полина пару секунд изучала картину над левым ухом шефа (на ней запечатлелись корявые струны перерождения Будды, незаметно страдающего оптическим дежавю после второй реинкарнации жителя Атлантиды), а потом сообщила:

– Я ему вообще никто. Мы просто однофамильцы. И всё.

– Значит, *вы* с ним – просто **никто** из всех однофамильцев нашей счастливой страны... Понятно, почему ты так про них пишешь, – редактор вернул очки в замшевой оправе глазам, предвзято зевнул кружке с кофе и подытожил. – Ну ладно, деточка моя. Пока отдыхай, но завтра у них снова премьера.

Полина сдержанно кивнула, главред улыбочиво чихнул, общение завершилось, дверь кабинета открылась и закрылась у

Лиссовой за спиной. Начало дня прошло в правильном ключе.

Полина получила частичный выходной, похвалу начальника и быструю радость от проделанной работы.

Старший детектив Клим Гидра явился на место обнаружения тела.

Покойник был пришит к электрическому стулу из игрушечного набора для палачей. Вместо обычной, среднестатистической головы у него имелся улыбчивый череп.

– Кто это у нас тут? Веселый Роджер? – Гидра склонился над трупом, будто пытаюсь узнать от него имя убийцы.

– Мягкое утро, детектив. Данные на этого беднягу вот здесь, – к старшему сыщику подскочил лейтенант службы обзора, молоденький и услужливый. Он протянул Гидре инфо-файл, чтение которого не заняло даже минуты.

Имя. Возраст. Адрес проживания. Номер страховки. И всё такое...

Детектив вернул файл лейтенанту, достал пачку сигарет «Взрыв», вынул тёмно-красную с фильтром, прикурил и задумчиво затянулся.

– Значит, этот несчастный мужик работал на бензозабойке. Был женат. Любил бриться... Кому он мог помочь в качестве трупа с оголённым черепом вместо физиономии? – Клим выпустил через угол рта целую тучу туманного дыма, затем сдвинул шляпу слегка на затылок.

– Мы уже получили видео с записью убийства, – лейтенант обзора выплыл из сигаретного облака, точно Летучий Голландец. – Там Смерч читает пьесу Шекспира «Гамлет»... отрывки из неё. Звучит очень зловеще в его исполнении.

– Я выдам ему премию «Оскар», когда арестую, – заверил Гидра молодого помощника. – Пусть труповозы забирают тело. Электрический стул надо отправить нашим экспертам. Мне же нужно выпить крепкого кофе и наведаться ещё в пару мест.

Старший детектив развернулся и пошёл к машине, объятый дымовой завесой. Двенадцатый труп нарисовался в деле этого ублюдочного Смерча. Серийная сволочь...

Подрубается к людям, когда они видят сны, не приняв блокиратор, а после этого – изгаляется над своими жертвами, которые оказываются абсолютно беспомощными. Просто не могут понять, что это уже не сон. Не способны осознать реальность происходящего с ними кошмара.

А Смерчу только это и нужно...

Как результат – очередной трупак на свалке (под мостом, в канаве или подвале заброшенной хижины рыбаков-спортсменов). Плюс видео на потребу извращенцев и просто хороших людей, которые платят налоги без сожалений.

Но хуже всего то, что Смерч совершенно непрогнозируем как типичная личность, регулярно уничтожающая «себе подобных». Невозможно просчитать следующую жертву этого безумного уroda. Ведь нельзя же переспать со всем городом

одновременно!

Я смотрю на себя сквозь зеркала и понимаю, что делаю всё верно. Именно я решаю их судьбу. Хотя, судьба сама себя вершит, конечно...

А я лишь только исполняю её прихоть. Её желанья и ошибочные чувства... Мне известны многие тайны, от которых не скроешься под крышкой чужого гроба. Моя маска прекрасна... Такая вечная, такая безумная. Как ужас первобытного космоса.

Её глубина подобна чёрной дыре из Преисподней.

Она – моя маска. Я – её человек. Миссия продолжает твориться.

И жизнь полна чудес. Смерч – это круто, ребята...

Главный (и единственный) режиссёр «Психотеатра» Александр Уралович Дюйм, сидя за пультом переключения примочек, давался диву на протяжении уже пяти минут.

Ему просто не приходило в мозги – откуда эта чёртова журналисточка Лисова выдёргивает такие мерзкие статейки?

Да, его актёры не суперзвёзды, естественно. Но ведь играют-то неплохо! На репетициях выкладываются до кровоизлияний в душу, это же видно. Стараются ребята, а она их в каждом обзоре позорит, безумная стерва с ноутбуком...

Мучительные думы Александра Ураловича прервал гро-

хот где-то в пределах цифровой сцены. Неуклюжий, пухлый парень Пуфик снова сорвался с декораций. Остальные участники постановки (Максим, Люба и Котьяра) насмешливо аплодировали, пытаясь как бы приободрить театрального неумеху. Не хлопал лишь Лиссов, стоявший у стен Храма Судьбы в нейро-образе Индианы Джонса.

Серая шляпа была сдвинута на глаза, будто летающая тарелка инопланетян, которую запретили разглядывать спецслужбы. Хлесткий кнут висел на плече парня, точно электрический провод из змеиной кожи.

Лиссов устал от этого фарса. Репетиция чудовищно не шла по показателям улучшения наигрыша материала.

Хорош театр. Ставим «Индиану Джонса» и нихера сыграть не можем.

– Илюха! Подними упавшему коллеге настроение, – улыбочивый Кот присел на корточки возле раскоряченного жирной размазнёй Пуфика, который больше просто пыхтел, чем пытался подняться.

– Я сам... Я встану сам... – хрипел Пуфик. Пухлыми казались даже его фразы.

– Боже, помогите уже ему, – очень белая блондинка Люба Севередова, заигрывая с неизвестностью от накатившей скуки, кокетливо позировала перед взглядом Макса.

Тот безмерно красиво и ловко (его фамилия, кстати, была Красивый, что как бы не случайно привлекало женщин на спектакли «Психотеатра») поставил падшего Пуфика на

ноги.

– Ну вот, как новенький. Снова готов удивлять публику, – Максим шлёпнул пузатого парня по плечу в знак ободрения. Пуфик нарисовал улыбку на лице. Вышло коряво.

Из темноты зрительного зала раздался строгий голос режиссёра:

– Я знал, что упавший человек – это всегда смешно, но у нас ведь не театр безумных комедий. Ребята, перестаньте паясничать и подкалывать друг друга. Вы не на приёме у циркового психотерапевта. Здесь у нас – самый популярный нейро-театр города. Другие не могут с нами соперничать только потому, что наш актёрский состав, то есть – вы все, просто великолепно является лучшей труппой страны! И ещё потому, что мы выпускаем по два премьерных спектакля в неделю...

– Как будто мы не знаем, – промурчал Кот нарочито беззвучно.

– И только не надо мне заливать на диск пазл про то, насколько мощно вы хотите стать актёрами виртуального кино, – продолжал бредить Александр Уралович. – Лиссов! Прекрати мне тут изображать Клинта Иствуда в лучшие годы. Ему бы это не понравилось.

Илья послушно сверкнул своими многоцветными глазами из-под шляпы. Его партнёры по сцене напряжно молчали. Александр Уралович мелодично вздохнул и сказал в усилитель крика:

– Ладно, перерыв пятнадцать минут. Отдыхайте пока, но материте меня в гримёрке чуть поскромней... Лиссов, подойди-ка ко мне, будь любезен. Только из образа не выходи, ковбой погорелого театра.

Люба, Макс, Котьяра и Пуфик дружно выветрились за кулисы. Илья прошаркал к режиссёру. Тот уже перетягивал в себя виски из фляжки, окружённый подсвеченной темнотой. Зал «Психотеатра» затаился перед новым рейдом в подсознание зрителей.

– Нормально сегодня смотришься, – начал Александр Уралович, когда парень сел в соседнее кресло. – Ты понимаешь, что я тебя очень ценю. А уж если ругаю, то ради поддержания атмосферы целостности коллектива. Чтобы другие актёры ощущали себя дерьмом как можно реже. Да и ты тогда не так обаятельно зазнаёшься.

Режиссёр искусственно улыбнулся. Илья кивнул, демонстрируя полное понимание ситуации.

– Объясни мне, Лиссов, эта журналистка, которая так охерительно любит наш театр, она тебе однофамильная родственница? Или просто никто?

– Она всего лишь существует с такой же фамилией, как у меня. Ничего больше, – Илья поднялся из кресла и стал удалять себя от режиссёрского пульта с равномерной скоростью движения. В гримёрке, наверное, доели всю пиццу. Придётся к вечеру скинуться ещё на одну...

Полина запивала пивом «Прайм» второй треугольник пиццы и смотрела только что скаченный файл с записью последнего убийства маньяка Смерча.

На видео страшный человек в маске страшного человека всячески юзал какого-то бедолагу, читая при этом лучшие моменты из «Гамлета» совершенно бесцветным голосом парализованного морпеха.

Закончив эти ужасы, маньяк отодвинул камеру в тень и начал жечь голову орущего бедняги горелкой для факсов. Полина резко отвернулась от экрана ноутбука, боясь вернуть в пространство свой обед (и невольно вступить в ряды клуба любителей булимии).

Когда убийца закончил формировать из головы мёртвого мужчины красивый образец черепа для кабинета анатомии, камера стала приближаться к месту истязаний в автоматическом режиме. Смерч повернулся к объективу. Безумный взор его маски почти гипнотизировал.

Маньяк оскалился улыбкой и сказал: «Смерч – это круто!» А дальше пошла врезанная реклама блокиратора сноvidений в упаковке для всей семьи, после которой экран стал чёрным, появилась жёлтая надпись «продолжение обязательно будет...» и на этом видео закончилось.

Полина, находясь под сильнейшим впечатлением от увиденного, залпом допила пиво.

В кровавом списке Смерча теперь двенадцать мертвецов. А начал он совсем недавно. Сколько же людей он ещё успеет

прикончить до момента своего ареста? И будет ли вообще этот арест?

Всем кажется, что Смерч неуловим...

Полина откинула со лба чёрную чёлку, грациозно потянулась и легла на диван, удобно думая о многих проблемах. Вернувшись из редакции несколько часов назад, она купила пиццу с грибами, пиво, пачку рыбных блинов, но только не мини-упаковку «антидрима» с шестью спасительными (в данной ситуации) капсулами.

Кто сны не видит – тому и Смерч не страшен...

Полина хотела оставить себе возможность сновидения. Или возможность встречи с маньяком.

Старший сыщик Клим Гидра закупорил себя в офисе склонившимся над документами по делу Смерча.

Гадание на картах, мать его! Иначе и не назвать такой вид расследования. Ни одной зацепки. Никаких улик. Отпечатки отсутствуют.

Ещё бы они были – все убийства происходили во сне. Там почти другое измерение! Работать с такими инфо-данными просто не получится.

Детектив налил себе пятнадцатую чашку кофе и снова стал вглядываться в лица убитых.

Совершенно посторонние друг для друга люди, которых объединяла лишь принадлежность к классу «простых и обычных». Стандартный набор случайных попутчиков в

центральном вагоне метро для вечера среды весной. Почему Смерч выбрал именно их?

Действует наугад, импровизирует? Любит курицу в шпинате? Умеет ходить не хромя? Позиционирует себя весёлым парнем в доспехах? Заигрывает с призраками куртизанок? Боится красивых сыщиков? Лечится от ожидания карантина? Ночует на крыше шатра под землёй? Не прекратит убивать, пока его не казнят пожизненным сроком?

Клим Гидра устало откинулся в кресле и, продолжая размышлять, допил пятнадцатую чашку кофе. Ночь только начиналась. Множество других нормальных людей уже вернулись из ресторанов, кафе, нейро-кинотеатров или спорт-салонов, где проводили свободное время после привычно-скучной работы.

У некоторых свидание с кем-то вступало в финальную фазу («дежурный отказ» или «стандартный секс»). Но для всех этих людей существовала одна общая опасность. Смерч.

После любовных утех или в одиночку на холодной кровати – человек всегда засыпает. И тут уже никто не застрахован от того, что ему приснится серийный убийца...

Правда, появилось некое средство от сновидений, но Гидра не очень верил в его эффективность. Наверняка, аптекари просто решили нагреться от радости внезапного обогащения за счёт доверчивых, мнительных, паникующих граждан.

Сыщик взял список изощёренных обстоятельств по каждому эпизоду дела. Самый первый труп был добыт из воды.

Смерч в маске акулы расчленил женщину-спасателя, изображая фильм «Челюсти».

Далее он по мотивам эпопеи «Звёздные войны» прикончил мальчика, который боролся за свою жизнь мухобойкой против светового меча в руках Смерча.

Третьей жертвой стала очень симпатичная девушка. Маньяк в маске вампира высосал из бедняжки всю кровь (показывая свой вариант «Дракулы»).

Ещё через две ночи этот больной урод прибил парня из охраны супермаркета. Убийца нанёс 300 ударов макетом парохода, как бы проигрывая фильм «Титаник».

Дальше шёл совершенно безумный случай, когда Смерч в образе Раскольникова застрелил дисковой бензопилой старушку, живущую в пансионате имени Достоевского.

Шестой жертвой заделалась секретарша зажавшегося биржевого маклера. Смерч задушил девушку паутиной, пародируя кинокартину «Муха».

Труп номер 7 принадлежал почтальону (маньяк слегка погонял бедолагу по списку смертных грехов, а под конец – выстрелил в него 7 раз, показывая развязку фильма «Семь»).

После такого цифрозекстаза Смерч задавил кассиршу зеркалом в ванной, стилизуя это убийство под ужастик «Кэнди-мен».

Потом ему вздумалось напоить до смерти начинающего инет-корреспондента, играя с ним в фильм «Пьянь».

Десятым покойником в деле маньяка оказался безобид-

ный священник. Смерч, используя момент из «Сердца Ангела», сварил старика в кипящем супе. А уже в начале недели убийца демонстрировал новый вариант кино «Джонни-мнемоник», отрубив голову простой посудомойщицы и поместив её в дымящийся криоген.

Прошло ещё три скучных дня – у нас нарисовался мужик с бензозабойки, без проблем и долгов за новый холодильник для собаки, но с черепом Иорика вместо лица...

Промежуточный итог: 12 мертвецов за шесть недель. Быстро работает, поганый психопат...

Детектив Гидра отлепил себя от стола с документами и прошагал к открытому окну стабильной формы. Он задумчиво вынул тёмно-синюю сигарету из пачки, закурил, обливая всё вокруг дымом, спокойно изучал ночной город, пытаюсь продумать дальнейшие шаги по крови новых жертв.

Маньяк не прекратит свои «театральные постановки». Ему это всё слишком нравится. Настоящее хобби, отдушина после нелюбимой работы. Этот сумасшедший, похоже, умён как гений на пляже.

Столько смертей, а у нас полный ноль в графе улики и зацепки. Игрушечные сыскари, мать их!

Убивает он, конечно, весьма необычно... Прямо новая технология по производству мертвецов.

Совершенно не ясно, как жертвы из смертельных сновидений переносятся на места обнаружения, но уже в качестве изувеченных тел.

Кто может быть этим маньяком? Какой-нибудь одинокий бухгалтер, помешанный на кино? Или беловолосая красотка, обезумевше-мстятая всему миру за срыв успешной карьеры виртуальной актрисы?

Все записи убийств выложены в Сеть, а для следствия до сих пор остаётся загадкой даже половая принадлежность убийцы.

Клим Гидра докурил до пожелтевшего фильтра, выдохнул очередную тучу дыма в окно и вернулся за свой рабочий стол. Тот лейтенантик из службы обзора, которым меня снабдили после последнего на сейчас убийства, надо будет принапрячь парнишку. Пусть поищет любые статистические совпадения в мусоре этого дела.

Тут должна быть система, какой-то алгоритм... Вычислить Смерча можно. Надо только знать, что именно считать.

На сцене «Психотеатра» проигрывался кипучий экшн. Индиана Джонс шлёпал кнутом хищных улиток, пробираясь к своей красотке, привязанной к столбу на краю скалы. Зрительный зал замер в ожидании кульминации. Нейро-очки тускло блестели во тьме, надёжно подключённые к головам людей. Постановочный сон наяву взорвался появлением феерического жирдяя, работающего на гильдию привидений.

Индиана Джонс схватил в охапку свою белокурую подружку, умело отвязанную от жертвенного столба, а жирный

мужик стал приближаться, чикая воздух страшными ножницами.

– Вот и хана твоим похождениям, археолог, – сиплый голос жирдяя врывал в сознание зрителей волнами злобы.

– Ошибаешься, Шульц. Поиски ковчега в самом начале, а вот твоя преступная карьера подходит к финалу, – Индиана выбил ножницы из руки жирного нациста-пиромана ударом верного кнута.

Шульц взвизгнул и ринулся вперёд, но безапелляционно поскользнулся на шоколадной пасте, а дальше, протяжно вереща гимн смерти, шлёпнулся в пропасть. Эффектный всплеск крови крокодилов оповестил всех о прекращении существования подлого жирдяя.

Индиана весело поправил шляпу, обольстительно улыбнулся спасённой блондиночке, погрузил её рядом с собой в седло пегой кобылы, и они степенно двинулись в закат под героическую музыку.

На этом спектакль закончился: зрители зааплодировали и стали отключать свои нейро-контакты. Экран сцены «Психотеатра» мерцал в режиме завершения работы.

Актёры шумно отдыхали в пропитой гримёрке, обсуждая игру друг друга.

– Пуфик особенно классно смотрелся с этими ножницами, – Котяра радостно отхлебнул вина из бутылки. – Если тебя погонят из театра, сможешь устроиться хирургом пари-

ков для дам из кордебалета.

Кот передал выпивку второй девушке в труппе – Кате Единице. Та мило сверкнула улыбкой и сделала самобытный глоток, эротично прижав губы к горлу бутылки. Слегка уставший Пуфик следил за каждым движением Кати с плотно скрываемым вожделением.

– Да вроде неплохо мы сегодня отыграли, – Макс отдохновенно развалился на левой половине стенодивана. – Мне понравился момент, когда Илюха пробовал поцеловать Любу через зеркало на корабле. Было смешно...

Красивая блондинка Люба Севередова кокетливо засмушалась в ответ словам Максима.

В гримёрку вошёл весьма довольный режиссёр Дюйм и начал поливать своих подопечных живительным нектаром похвалы:

– Ребята, справились с ролями гениально! Бесподобная постановка, я тоже молодец и умница. Все хороши, Лиссов – браво! Завтра у нас заслуженный выходной, но много не пейте, послезавтра берёмся за «Чужих». Сейчас – всё, можете выметаться отсюда. И не забывайте закидываться этими новыми таблетками от сновидений. Мне нужны все мои талантливые актёры в живом, рабочем состоянии.

Александр Уралович строго глянул каждому из ребят в душу и крайне импозантно удалился. Лиссов смотрел в опустевший проём двери своими многоцветными глазами (расслабленно, беспечно, жутко).

Полина открепилла карточку прессы только на улице.

Вечерний народ выметался из «Психотеатра», парочка наглых пареньков предложили журналистке проехаться с ними в бар на красивой машине.

Полина хронически отказалась. Она спешно пошла по затемнённой улице, обдумывая новую статью для своей колонки «плевков в лицо нейро-актёрам»...

Подвыпившая группа «Психотеатра» покинула здание рабочего триумфа. Все собрались продолжить радостный вечер очередной успешной (опираясь на реакцию Александра Ураловича) премьеры. Через 20 минут ребята завалились в бар «Трап» и заняли свои привычные места за столиком у дымных окон.

Люба с Катей заказали стенобитные коктейли, а парни прикупили много пива.

– Что думаете про этого Смерча? – спросил у всех Котяра.

– Мне мерещится и я крещусь, что он – незаурядный уродец с дрелью в морозилке, – Максим уверенно шлёпнул пивную кружку на стол в форме лунной рыбы.

Люба (с капризным обожанием), Илья (с привычным раздражением безразличности) и Катя (с насмешливым интересом приближавшейся ночи) посмотрели на захмелевшего коллегу. Макс лучезвидно заулыбался.

– А мне кажется, будто это не один маньяк, – захлюпал Пуфик. – Может, это каждый раз новый убийца...

– Конечно, – Кот хмыкнул пивным глотком. – Он просто притворяется серийным убийцей. И всё о нём – инсценировка. Чтобы блокиратор снов покупали почаще. Да кушали его побольше.

Пуфик пристыжено уткнулся в кружку губами. Глаза Котяры блестели хитрой крутизной.

– Вы ничего не понимаете в маньяках... – тон фразы Катьеньки Единицы принадлежал к разделу «без возражений». Девушка плавно провела ладонью по русым волосам причёски Падший Ангел и, ласково отпив из банки с коктейлем, продолжила:

– Серийный убийца – это особый вид преступного негодяя. Абсолютно сумасшедший, ищущий острых, как бритва Бога, впечатлений почти постоянно... Он словно самолёт-истребитель. На тормоз не нажмёшь, чтобы остановился. Или сядет, или разобьётся при ударе о смерть. Но пока убийца жив – каждый может сыграть роль его жертвы, – зловещие слова Кати заставили Пуфика незаметно трястись от страха (или, возможно, от накатившего возбуждения).

Котяра саркастично присвистнул.

– Тебе бы про него надо книгу сочинить. Восхищён твоим речевым аппаратом, – он салютнул в сторону Единицы приподнятым стаканом, отпил пива и спросил. – Илюха, а ты что думаешь?

Лиссов отвлёкся от прослушивания звучащей с потолка музыки и напряжённо произнёс:

– Мне умеренно жаль этого психопата. Наверняка, он просто мерзкий идиот, которого в детстве били собаки или насиловали голуби...

– Да ты ему, похоже, жутко завидуешь? – засмеялся пьяный Максим своей ещё более пьяной хохме. Лиссов ответил ему странной улыбкой.

Чтобы хоть как-то развлечь девчонок, Котяра рассказывал анекдот про камикадзе перед вторым вылетом. Пуфик размеренно допивал свою порцию пива. Под конец типичных посиделок перед надёжным выходным они обсудили предстоящую постановку «Чужих», поговорили о красоте вензельных звёзд, о глубине кассетных взрывов и перемотке пространства, а после этого покинули опустевший бар.

Максим ненавязчиво предложил Любе завалиться с ним в постель на всю ночь, но девушка шикарно отказалась, заигрывая с Лиссовым.

Сказав, что слишком устал, Илья поймал покорное такси и поехал домой один.

Котяра пригласил Катю к себе, слегка «почитать комикс» (она rispetабельно согласилась провести эту ночь с этим парнем). Пуфик расстроено удалился в никуда своей одинокой квартирке. А Макс пьяным ходом направился куда-то ещё.

Весёлый вечер труппы «Психотеатра» условно завершился. Каждый помнил об «антидриме», но только один из шести нисколько не помышлял о принятии препарата.

Я забыл об этих таблетках и просто уснул.

Но вот сейчас сижу (крепко связанный) в какой-то пещере, напоминающей пищевод. Какого хрена здесь делается?!

Я слышу шаги – через минуту в чёртов грот входит какой-то урод в шляпе и с кнутом на плече.

– Здравствуй, если сможешь... – говорит он женским голосом. Наверно, просто искажение звука.

Меня почти тошнит, мне страшно смотреть в лицо этого дебила. На нём, похоже, маска из пластика.

Я замечаю камеру восприятия реальности, которая левитирует над левым плечом загадочного «ковбоя»...

– Археология не терпит таких образцов, как ты, Гудок. Тебе больше не посчастливится трахать белобрысых девиц, скользя языком по их половым железякам, – этот жуткий говнюк заглядывает мне прямо в глаза... Я готов кричать от отчаяния. Этот урод пугает меня до приступа рвоты!

Он безумно улыбается и щёлкает кнутом о сталактит. А после кричит своим неясным голосом бесполого существа:

– Змеи! Почему обязательно это должны быть змеи!?

Эха нет, но есть шипящий звук ползущих «червей». Я кричу, словно парализованный сасквач, когда полчище чёрных змей врывается в пещеру.

Они скользят ужасными шнурами хищных тел, обтекая ноги существа в шляпе. Оно поворачивается к камере маской и весело говорит:

– Смерч – это круто, правда ведь...

А я уже кричу осипшим голосищем. Надрывно, обречённо. Теряя душу и сознание. Потому что сотни текучих змей вцепились в моё спящее тело.

Главный редактор газеты «Телескоп мозга» бережно положил цифровой листок с новой статьёй Полины на стол.

– Прекрасный обзор, деточка. Ты снова размела их в пиксели, – сказал он, поправляя «замшевые» очки.

Полина сдержанно усмехнулась. Шеф был явно доволен.

Он ещё чуток порасхваливал свою самую одарённую журналистку, закончив эту тираду фразой «столько яда не знала даже Клеопатра». А потом главред предложил Полине покинуть его кабинет до появления следующей статьи.

Девушка шла по коридорам редакции, собираясь наведаться в магазин модных шмоток «Гремучая смесь», когда из двери перед ней выскочила оболочная красотка Бритва, местный гермафродитный трансморф (один день она была женщиной, на следующий – становилась мужчиной).

– Приветик, подружка! Сдала материал, летишь развлекаться? – Бритва приобняла Полину остановкой внезапности.

– Да. Я на сегодня отбилась, – Лиссова периферийно заулыбалась своей единственной подружке/другу в редакции.

– Ох ты наша кино-шлюшка гениальности. Если встречу тебя мужской частью личности – непременно приглашу развееваться по-взрослому в ресторане «Шикор», – Бритва нежно

прихватила Полину за талию и потащила к своему рабочему месту. – Пошли, покажу интересную видяшку...

Она села за компьютерный офис-бокс, включила экран, запустила клип-файл под названием «Жертва Смерча номер 13».

Полина смотрела видео через плечо Бритвы. Серийный убийца в образе Индианы Джонса умело натравил водопад змей на какого-то лысоголового бедолагу. Убиенный мужик, привязанный к янтарному столбу для жертвоприношений, был до смерти искусан ядовитыми гадами, которые бесследно исчезали после первого же ужаливания.

– Жуткий ужас, правда? – испуганный голос Бритвы отдавал фальшивым страхом. Она явно пребывала под магнитным полем впечатления от увиденного. Ей вроде даже нравилась эта сцена убийства.

– Новый труп в деле Смерча, значит... Когда же они поймут маньяка? – Полина риторически вздохнула. Её подруга только пожала плечами в ответ.

– Им не справиться с ним, – уверенно сказала Бритва свой прогноз.

Дальше её голосовой тон стал менее жёстким.

– Линочка, хочешь позавидовать моим новеньким туфелькам на шахматных шпильках? Прикупила недавно со скидкой, такие роскошные. С красно-базальтовой юбкой замечательно смотрятся...

Полина мягко оборвала этот «поток сознания заядлой

модницы»:

– Бритвочка, милая. Мне вообще-то некогда. Уже пора бежать без оглядки.

– Да у тебя свидание!?! Я его знаю? Какая у него машинка? Быстрая и красивая? Или жгучая и большая? – Бритва чуть не перевозбудила мозг от любопытства. Она выжидающе следила за реакцией подружки.

Лиссова вымучила условную улыбку:

– Давай расскажу тебе всё в другой раз, согласна меня не задерживать дальше?

– Лады, подруга. Лети, куда шла. Но я жду подробных описаний твоих постельных битв, – Бритва обворожительно улыбнулась Полине вослед, а та (почти мгновенно) покинула редакцию.

Выйдя из здания газеты, Лиссова направилась в ближайший бар, полностью перехотев идти по магазинам. Мысли о том печальном факте, что на свидании она не была уже очень давно, повергли девушку в уныние, легко снимаемое крепким пивом.

Лейтенант службы обзора передал всю инфу по новому телу в деле Смерча старшему сыщику, дымящему кремовой сигаретой марки «Взрыв», как обезумевший пароход, который тонет в знак протеста.

Клим Гидра пару часов назад посмотрел видео с записью этого убийства. Ну что сказать? Неординарно, змеевидно,

мрачно. Тот лысый мистер, ставший гамбургером для сотни змей, смотрится слегка напуганным до усрачки.

Зато сам Смерч совершенно неподражаем. Этаким заклинатель ползучих из кибернетического Чистилища. Он весьма поэтично сыграл роль «короля серпентария». Вот примерно такие заголовки красовались в сетевых новостях с самого утра.

Детектив Гидра агрессивно затянулся кремовой. Сигаретного дыма хватило бы для стабильной работы парового котла на фабрике по производству спичек. Лейтенант обзора ждал, что скажет его начальник. Клим задумчиво дочитал инфо-файл, задумчиво поглядел на молодого коллегу и задумчиво произнёс:

– Дерьмо... Этотдохлый Гудок – человек с нацистским уклоном. А кроме того, он – ярковыраженный племянник одного известного политика-мафиози, который «крышует» нашу фармакологическую промышленность... И теперь этот Гудок убит потому, что забыл принять очень полезные таблечки, запущенные в мир его родным дядей, – Гидра смачно сплюнул, точно пытаясь пробить плевком мостовую.

– Судьба любит иронию, – лейтенантик обзора простодушно заулыбался, но после строгого взгляда Климас – стал скорбен как Сократ. Старший детектив провёл рукой по канту шляпы.

– Так вот, юный коллега... Добрый дядюшка нашего новичка в карточке мертвецов маньяка предпочтёт найти

Смерча сам, в чём сильно сомневается моя уставшая от всего личность. Либо тогда этот многоуважающий себя политик прикончит нас с тобой, порознь или обоих разом. Так как мы тоже вряд ли повстречаем нашего неуловимца. Ведь он, наверняка, не ходит в боулинг каждый второй четверг месяца. Или не бухает в баре «Крапивный парашют» по пятницам...

Клим Гидра поглядел на лейтенанта, который будто попал на свои поминки или в очередь за уценённым гробом из пластика. Детектив ободряюще подмигнул опечаленному пареньку:

– Ладно, не переживай так обречённо. Может, я блестяще справлюсь с обнаружением и поимкой этого Смерча. Таких ещё не брали, но надо же с чего-то начинать... – Клим пошёл от места обнаружения тела.

Свалка за городом могла своим пейзажем порадовать только душевнобольного абстракциониста из мусорного института. Вялые облака текли над горами рухляди и старых памятников. Разбитые слои гигантов-поездов, давно сошедших с монорельса, почти трогали кислотно-жгучее солнце, скучающее в небесах. Значит, дошёл до обеспеченных нацистов, которые вели весёленькую жизнь, прикрываясь высоко сидящими дядями в чиновничьих креслах из кожи ядовитых жаб...

Страшный серийник, похоже, способен слегка улучшить положение в обществе. Пусть таким радикальным методом, но всё же... Убиенный Гудок был безмерным поганцем, му-

солящим женщин на фоне избияения неугодных.

Конечно, его дядюшке не по кайфу будет узнать о смерти племянничка, да ещё и во сне пришедшей. Ловить надо Смерча как можно быстрее. Убийство сраного ублюдка Гудка – приятная случайность, не более...

Маньяк выберет новенькую игрушку, кого захочет. Или кому сумеет присниться.

Мы бежим по многотёмным коридорам космической базы колонистов, потому что полчища чужих ползут за нами под обшивкой потолка.

Все люди на станции были истреблены ксеноморфами почти месяц назад. Осталась лишь маленькая девочка, которую нам нужно спасти. Она должна улететь вместе с нами. Так будет лучше для всех. Ведь эту сопливую кроху боятся даже чужие.

Они плескают кислотой от страха при её появлении.

Эта девчушка – инопланетный Дьявол. Чистокровное Зло, возведённое в абсолют. Нам приказано доставить её на Землю.

Сержант орёт, что надо повернуть налево. Все орут, что он – прав... Самый передовой ксеноморф накрывает нас жутким шипением.

Он как бы говорит «Стойте, суки!» и падает с потолка рядом со мной. Я уже не успеваю срезать полчерепа этому чудовищу выстрелом через плечо, но боевая баба Хэлен Рипли

делает вместо меня меткий хэд-шот.

Чужой верещит что-то бессвязное и заливает своей кислотой стену отсека, умирая в неземных муках. Наш отряд бежит дальше.

Когда же закончится этот тупой коридор? Когда коридор заканчивается, мы упираемся в тупик. Мощный звук приближающихся тварей вынуждает сержанта оставить последний патрон для себя. Спасти, наверное, не выйдет. Нам, надеюсь, выплавят памятные таблички погибших в бою, по-настоящему достойные морпехов...

Капрал плачет, пулемётчик хнычет, я стараюсь не дать волю эмоциям. А боевая баба Хэлен Рипли быстро выпиливает лазером дыру в стене, что сразу вырывает нас из объятий отчаяния.

Опять продолжаем бежать, отстреливаясь почти точно. Наши преследователи текут по потолку, ужасающе шипя матерки и проклятья.

Служебный биоробот отряда уже должен был подогнать космический танк к северному выходу. А база уже должна была взорваться, но девочка-Дьявол отменила всё за секунду до взрыва.

Нажав курок, срубаю в прыжке летящего ко мне ксеноморфа. Слегка уставший до хромоты обеих ног, сержант палит плазменными пулями по неотступным тварям, которые грозят ему склизкими конечностями в ответ и пробуют плюнуть ему на спину, но безуспешно.

Боевая баба Хэлен Рипли первой врывается в отсек-ресторан, весьма популярный на станции.

За столиком иллюминаторного оконца сидит девочка-Зло, кушает флотскую кашу, пьёт банановый сок и любит космосом. Ей нравится проводить здесь общее время. Но вот у нас времени практически нет...

Я хватаю малышку в охапку, сержант орёт, чтоб я держал её нежно и бережно. Я стараюсь так держать.

Мы привычно бежим на встречу нашему танку «возврата на базу». Чужие выдохлись, похоже. Соперничать в беге с морпехом инопланетянин никогда не сможет.

Космический танк красуется на платной парковке. Биоробот отряда нервно варьирует синапсы тетриса в телефоне, тревожно ожидая нас. Мы оставляем базу позади, вбегаем в танк, а ночной ветер планеты колонистов прощально стучит по обшивке.

Сержант орёт, что пора удирать – металлическая машина срывается с «насиженного» места, но тут же глохнет, как паскуда.

Девчушка-демон весело смеётся. Видимо, ей нравятся сложности.

Мы все в полной растерянности, даже боевая баба Хэлен Рипли не знает, что теперь делать. Но наша спасаемая девочка мысленно с кем-то говорит.

В этот ожидаемый момент из ворот северного выхода выпрыгивает стая чужих и, жутко вереща непристойности в ад-

рес Рипли, скачет по-тараканьи к нам, напуганным, вооружённым, жалким, загнанным воякам.

Мы думаем о том, как ксеноморфы станут вскрывать заглохшее средство передвижения, а они (эти хвостатые твари с кошмарной планеты) начинают разгонять танк, толкая его всей оравой. Костистые монстры шипят от натуги и пускают едкие слюни, но двигают нас всё быстрее.

Наивный капрал порывается выйти помочь надрывающимся пришельцам, но наш шокированный сержант орёт, чтобы все оставались на своих местах. Проходит несколько странных секунд – чужие дружно валятся от усталости, а разогнанный силами опасных тварей танк устремляется прочь от базы (служебному биороботу удалось-таки запустить двигатель).

Мы радостно стреляем по пришельцам, но они слишком измотаны, чтоб умирать или продолжать погоню. Я веселюсь со всеми нашими парнями и боевой бабой, которая сердечно прижимает к себе девочку-Ад.

Мы выбрались из этой передраги, выполнили свою задачу. Спасённое Вселенское Зло в образе маленькой соплячки будет доставлено на Землю целым и невредимым. Оно начнёт действовать по усмотрению высших сил космоса, а никак не по указке наших жадных политиканов.

Боевой танк морпехов мчится через каменистые пустоши к шатлу.

Чужие, обрадованные тем, что девочка-монстр исчезла из

их жизни, вяло (но весело) бредут к базе.

– Не закрывайте дверь! А то подумают, что мы тут водку пьём, – Максим Красивый улыбался всем в пьяной манере довольного собой человека, когда в гримёрку вернулась Единица и, взяв из рук Пуфика вторую бутылку пива «Холод», села к зеркалу снимать нейро-грим.

– Круто смотрелась в роли Рипли, – льстиво сообщил ей Котьяра. – Лысина тебе идёт. Почти, как сумка почтальону при взрыве мэрии в грозу.

Труппу «Психотеатра» уже похвалил главный режиссёр, особо отметив Любу Севередову, игравшую девочку-Смерть. Лиссову достался стандартный возглас «Браво!», после которого Александр Уралович обмолвился о планах на ближайшее послезавтра, посоветовал соблюдать вынужденную дисциплину, а после – расслабленно ушёл домой допивать коньяк.

Нейро-актёры остались в опустевшем здании театра, чтобы послушать музыку из постановочных фильмов и повеселиться после сложных «Чужих».

– Ты замечательная красotka... Очень мне нравишься... Хорошо играешь свои роли, – пьяный Пуфик пытался склеить пьяную Катю, но девушка слишком себя ценила и не хотела устраивать себе «жирную ночь».

Мощно уснувший Максим валялся в кулисе, на упаковках от сферических декораций. А Кот с Любой вульгарно танце-

вали танго-рок, радуя Лиссова виртуозностью своих движений.

Илья сидел в зрительном кресле, пил пятую бутылку «Холода» и наслаждался всем происходящим. Если б сейчас к нему подсел призрак первого человека на Марсе, христианский Дьявол или контролёр перемычного лифта – то ничего бы не изменилось. Ни удивления, ни особых восторгов. В такой подходящий момент любая галлюцинация была просто кстати (и доставляла весёлый покой).

Фильмы нравятся всем...

Я знаю историю о чуваке, который не любил кино, а его за это отправили в психушку бандеролью. Но мне известны тайны многих фильмов.

Там, где люди видят других на экране – они видят себя самих.

Жизнь превращается в кино. Я смотрю по сторонам: бесполое существа населяют мёртвую планету боли.

Но ведь они ничем не управляют. Все просто смотрят фильмы о себе.

А я могу раскрыть их правду бесполезной видеосмерти. Им всё это понравится самим. Они прекрасно кричат от киношного ужаса. Они гениально вживаются в роль...

Их смерть хороша в зеркалах сновидений.

Они себя увидят.

Молодой лейтенант службы обзора спешил в кабинет старшего сыщика.

В деле серийного убийцы возник ещё один эпизод.

Клим Гидра тревожно наслаждался крепким кофе, когда в его кабинет вбежал паренёк из «обзорных» и, будто обезумевший марафонец, вручил очередной свежак. Детектив Гидра, скучно посмотрев на лейтенанта взглядом проснувшегося в Аду самоубийцы, поставил кружку с кофе на стол и взял новую инфу.

Чтение файл-листа прошло в атмосфере любознательного свидания с чужим кошмаром.

– Ну и что это за ужас? – Клим внимательно изучал череду помех на лице разгорячённого забегом лейтенанта. – Ты мне притащил сценарий наших похорон? Или это меню из ресторана каннибалов?

– Нет, шеф. Это примерное описание того, что я имел неудовольствие увидеть в Сети. Там уже выложена запись с новым трупом. Смерч очень постарался. На этот раз он...

– Да подожди ты, сам вижу... – сыщик прервал юного помощника. Надо хоть немного сосредоточить мысли в голове.

Клим одним глотком допил остывший (но приятный) кофе.

– Получается, Смерч поиздевался над этой красавицей, а после прекратил её роскошное существование, продырявив несчастную дрелью с насадкой в виде эмбриона... Я ничего не упустил? – Гидра воткнул тяжёлый взгляд куда-то за спи-

ну своего «подмастерья». Тот выглядел словно наркоман-пацифист на допросе.

– Смерч сбрил её волосы, – скорбно сказал лейтенант. – Нарядил эту красотку в мужскую одежду. Выдал ей новый паспорт. Научил управлять малым электропогрузчиком...

– А затем безжалостно прикончил... Красивая была девушка. Даже лысая голова её не портила. А Смерч, значит, испортил... – детектив Гидра мучительно задумался. – В чём он, кстати, был одет на этом убийстве? Нарядился скелетом барракуды?

– Не совсем, шеф. На нём костюм чужого из одноимённого фильма. Маска ксеноморфа, если быть объективно точным, – лейтенант обзора замолчал. По его лицу бродил отпечаток печали. Паренёк очень явно расстроился из-за смерти этой красотки. Клим решил отвлечь его болтовнёй о проделанной работе:

– Ты установил хоть какую-то связь по нашему делу с чем-нибудь вообще? Может быть, маньяк пародирует любимые фильмы своей бабушки? Или пробует себя в качестве видео-художника искусственных убийств, проистекающих во сне на самом деле?

Старший детектив, наливая себе ещё кофе, изобразил крайнюю заинтересованность. Едва не разревевшийся лейтенантик сразу посерьёзней, перестав пускать печальные слюни.

– Пока что нет, шеф. Никаких явных связей не найдено.

Но я буду над этим работать...

– Непременно будешь, – Клим начальственно улыбнулся, невольно напоминая плюшевую акулу. – Я на тебя очень рассчитываю. Поэтому прекращай хныкать и займись нужным делом. Найди любую зацепку за что угодно. Или купи себе два гамбургера, один отдашь мне под видом выкупа свободного времени.

Старший сыщик задумчиво отхлебнул кофе из кружки, всеми параметрами внешнего вида сообщая о том, что младший помощник может выметаться из кабинета.

Пронаблюдав выход лейтенанта за дверь, Гидра уткнулся туманным взором прямо в плакат шутивного Шерлока Холмса, который изображался полностью организованным и готовым к раскрытию сложнейших дел, точно сухопарый консервный нож.

Довольно красивая девушка умерщвлена маньяком... Су-мрачный уродец снова в деле, нанёс очередной безумный удар по городскому спокойствию. Полчища напуганных богачей уже готовы сделать дорогостоящие операции по удалению части мозга, отвечающей за сон.

Хотя, это всего лишь слухи, навеянные жуткой паникой среди людей и животных. Ведь, кажется, достаточно таблеток «антидрима»... Не получилось установить, принимала ли их последняя жертва перед тем, как уснуть навсегда. Готов заложить в ломбард свою шляпу, что ничерта она не принимала. Бедняжка была женой одного богатейшего господи-

на, который теперь стал весьма завидным вдовцом для новеньких охотниц за его деньгами.

Муж на двадцать лет старше ныне покойной супруги. Она – бывшая победительница бикини-игр (местного конкурса красоты + компьютерной плоти). Смерч уничтожил эту чудесную красавицу, цинично, чётко, без сожалений... И всё же здесь должна быть некая система. Зависимость, на которую опирается Смерч.

Его творческий путь из крови жертв продолжается.
Пора прекратить движение этого больного убудка.

Репетиция нового нейро-спектакля продвигалась с заметным напряжением среди актёров. Александр Уралович Дюйм почти понимал, в чём суть сегодняшней проблемы.

Эта чёртова журналистка из «Телескопа мозга» опять щедро полила их мутной грязью. Вполне сносная постановка превратилась в «полнейшую чушь, сыгранную космическими идиотами».

Судя по этой статье, «Психотеатр» переживает самый чудовищный кризис за всю историю «подвального искусства», как судорожно выразилась госпожа ЛисСова.

На сцене в данный момент творилось критическое безумие. Котяра в роли четырёхмерного мутанта процессуально атаковал смелых охотников за артефактами (Единицу, Илью и Любу), которые, тщедушно отстреливаясь из АК-47, спрятались в полупостроенном доме.

Над сектором зоны отчуждения вибрирует жареный воздух. Перекрученная луна высвечивает место плясок мутанта, словно пыльный прожектор. Тут же на выручку всему нормальному ползком вбегает Макс, исполняющий роль сумасшедшего сталкера.

Он громко крадётся к дому, но кривлявый мутант слишком в себе уверен и не видит опасности, практикуя технику безрукого айкидо на расстоянии последнего выстрела.

Катя Единица пытается выбить искру из фигурки печального клоуна, найденную в ядерном мусоре за заброшенным заводом, чтобы хоть как-то напугать (привыкшего к пулям) мутанта, а Илья пробует подарить Любе спокойствие в целлофановой упаковке.

Севередова, смущённо сверкая белыми волосами, уже готовится принять смерть в заключительном акте. Однако Макс-сталкер (с лопаткой для мозга наперевес) выпрыгивает перед облучённым недочеловеком, как сигнал превышения фона радиации в счётчике Гейгера.

Истошный мутант удивлён. Он рычит и кричит, а ловкий сталкер внезапно умирает от разрыва аорты.

– Стоп, стоп! Ребята, ну что это такое?! – лишённый восторга, голос главного режиссёра прекратил развитие действия на сцене.

Актёры «Психотеатра» устало отмалчивались. Каждый ждал критики в свой адрес, но Александр Уралович решил не усугублять и без того поганое положение сегодняшних

дел. Он размягчённо сказал в микрофон:

– Хватит на сейчас такой халтуры... Завтра будем репетировать весь день, а вечером постараемся на таланте вытащить премьеру, даже если нас после этого мумифицируют. Всем ясно и понятно?

Режиссёр заземлил своё сообщение для труппы. Ребята стандартно молвили «Всё будет сделано...» и отшвартовались по направлению к гримёрке.

Александр Уралович застиг их там же, не дав безапелляционно смыться по домам.

– А где наш «тёмный конь»? Где вы потеряли Пуфика, интересно? Оставили в качестве залога на фабрике по изготовлению сала с мясом? – главный режиссёр оглядел своих скованных вопросом подопечных.

Котяра пожал часть воздуха плечами; Люба неопределённо поправила причёску; Лиссов стабильно углубился в приоритетные переживания; Катенька Единица воинственно закусчала одиночеством у зеркальных экранов; Максим чуток насупился, изображая искренность и чуткость...

– То есть, никто не знает, что вдруг произошло с вашим неповторимым коллегой? – Александр Уралович недоумённо провёл рукой по подбородку раз двенадцать. После этой процедуры раздумья, режиссёр Дюйм выдал новую порцию указаний:

– Тогда, раз вы такие знатоки, отправитесь к нему домой, чтобы вытащить его обратно в общество... Пойдут Лиссов и

Севередова, им будет проще... Знаете ведь, где он живёт?

Илья с Любой вынужденно кивнули, поражая всех своей синхронностью. Дальнейший разговор оказался бесконечно окончен.

Тучный день солнца катился к вечеру, упрямо проникая в будущую ночь, которая теперь хранит для всех опасность сновидений.

Лиссов и Люба бодро брели по улице Исходных Данных. Прохожие вокруг почти что их не узнавали.

– Ты слышал-видел новую статейку твоей однофамильной журналистки? Она наших «Чужих» преподнесла как «Сияние», только в нём, якобы, стало немного больше монстров-интеллигентов, – блондинка Севередова кропотливо хихикнула.

– Я знал о том, что она так напишет, – Илья уверенно нахмурился, его лицо едва не превратилось в маску из меди противоречий. – Она ведь всегда пишет про нас в таком тоне... Будто мы – сборище слабоумных практикантов в Цирке Хирургии. Или командуем парадом умалишённых.

После этой фразы Люба засмеялась, не стесняясь плачущих плакатов с рекламой мертвецов. Илью развеселила нелепая мысль про смех пустынных звёзд на небе ночи.

Севередова замерла напротив приятной витрины магазина видеоодежды, впав частью сознания в гипнотический транс на почве покупательского инстинкта. Лиссов скептич-

но отлепил подругу от изображений за бифокальными стёклами, и они продолжили путь к Пуфику.

Арифметические множества людей шли мимо, а один куцый парень попросил у Лиссова корявенький автограф на майку. Люба спросила своего узнаваемого коллегу:

– Ты эту ЛисСову вообще-то видел? Говорят, она красива, как ветер с моря при закате.

Илья шумно смотрел куда-то перед собой, закидывая многоцветный взгляд за облачный горизонт темнеющих высоток.

– Люди болтают всякую чушь... – сообщил он в шуточной манере. – Я эту газетчицу знать не хочу, пусть бы она осталась даже самой известной дурой в мире. Но на сетевых фотках она действительно суперкрасива, это да.

– Ты бы хотел, чтобы твоя фамилия была у неё в кредитном паспорте? – Севередова хитронно смазала вопрос иронией, сарказмом и насмешливым парадоксом гротеска.

– Благодарность за издёвку я пришлю тебе по почте, – Лиссов весело ухмыльнулся. Ещё через много мгновений они дошли до дома, где жил Пуфик. Его квартирка всеми окнами смотрела на город с высоты девятого этажа, то бишь – из низины первого сектора здания-гиганта.

Зайдя в пределы холла, нейро-актёры влезли на ковровый подъёмник, ведущий к лифтам.

– Ты думаешь, он дома? – Люба блондинисто вызвала «вертикальное такси». Илья неопределённо пошевелил

пальцами в прозрачных карманах своей куртки цвета туманного завтра в горах.

– Возможно, наш пухлый друг давно повесился у себя на балконе из-за необдуманной любви к одной девушке, которую все мы знаем не первый ужин с пивом.

– Ты про Единицу, что ли? Я видела, как Пуфик на неё пялится. Будто готов отрубить себе руку ради её трусиков. Или работать бесплатно. Вдруг он не явился на репетицию по причине смерти во сне? Его убил Смерч, об этом ты не думал? – Севередова спроецировала фразу «кошмарный ужас» на выражение красоты своего лица.

Лифт всё-таки приехал. Они вошли. Илья сказал:

– Зачем гадать? Сейчас мы всё узнаем...

После выжидательной поездки на лифте последовал процесс подачи звуковых сигналов во внутреннее пространство квартиры. Пуфик открыл дверь не сразу. Он был слегка пьян и полуодет.

– Меня уволили из театра? – его вопрос пылал печалью безразличия.

– Не придумывай ерунды! Этим и без тебя много кто занимается, – Люба напористо внедрилась в квартиру. Илья прошёл за ней. Пуфик траурно затворил дверь.

– Ты почему на репетиции не был? – блондивчина убористо присела на диван, целомудренно скрестив соблазнительные ножки, мало прикрытые юбкой тигрово-влажной расцветки.

Лиссов прислонился к стене, расслабленно и просто. У него за спиной мерцали видео-обои (какой-то космический корабль валялся брюхом на поверхности расколотой планеты, а злые песчаные бури заметали его коррозионный корпус). Судя по этой картинке, скачанной и установленной совсем недавно, настроение у Пуфика было более чем поганим. Что называется, вкус к жизни слегка угас.

– Мне хотелось побыть одному... Никуда не ходить сегодня... – начал всхлипывать Пуфик, заматываясь в халат.

– А ещё пить и страдать, – высказала очевидную правду Севередова, поглядывая на хозяина квартиры с чувством строгого сострадания. Так смотрят электрики на приговорённых к электро-виселице; подобным образом любят приталенным бифштексом; глядят в направлении сумрачных монахов, которые вынуждены вырубать себе кровати в скале.

Пуфик молча прошаркал к дивану и плюхнулся рядом с Любой, словно кит в море с вертолётá.

– Пива хотите? – жалобно спросил он. – Илюха, принеси всем, пожалуйста. Из холодильника. Там есть... Я бы сам, но уже не могу... Слишком тяжело.

Пуфик грузно закрыл глаза, его лицо напоминало пухлый блин печали. Блондинка Севередова скучающе вздохнула и сказала:

– Зачем ты себя так мучаешь? Из-за любви? В любом случае, нам поручено вернуть тебя в театр. Завтра премьера

«Сталкера». Дюйм ждёт всех с утра на генеральный прогон. Твоя роль не будет сложной.

– Конечно же. Меня должны порезать пулями в начале постановки?

– Не совсем так, – мягко улыбнулась Люба. – Твой персонаж погибает от жуткого похмелья по случаю обнаружения бесконечной бутылки водки на подступах к развалинам пивзавода.

Оба весело рассмеялись. Очень уж безумным был сюжет будущего спектакля. Из кухни вышагнул Лиссов, гружёный баночным пивом «Софт», и снабдил им друзей. Все сделали по несколько вкусных глотков, а после этого Илья произнёс снайперскую мысль:

– Пора тебе прекращать лить алкоголь в душу. Смени стратегию. Пригласи Катю на ужин к ней домой. Она сразу почувствует твою оригинальность. И захочет поразвлечь себя наедине с тобой. Или будет играть в химический инбридинг, например. А все результаты посвятит только тебе.

– Ты плоховато знаешь женщин, – блондинистая Люба жёстко затуманила свой взор, напоминая знатока из ковалентного железа. – Наша Катенька без красивой стопки банкнот на столе рядом с чашкой кофе даже перчатки не снимет. А уж про проведённую вместе ночь на пустыре твоей спальни – вообще вряд ли... Она знает, сколько стоит. За дёшево не купишь.

Девушка-блонд млечно прильнула к банке пива, её поучи-

тельный взгляд говорил о многом.

– Катя меня не любит, – стал всхлипывать Пуфик. – Я её безумно люблю, а вот лично ей мои чувства навевают скуку. Она прекрасно обходится без меня... Я не смогу жить один. Мне нужна Единица!

Пуфик отчаянно заревел, талантливо изображая потерявшегося в сплетении молний. Илья и Севередова ускоренно допили пиво.

– Мы поняли твою проблему. Но нам уже пора, – Люба решительно встала с дивана, показала за окном чёрный вечер. – Ты уже завтра продемонстрируешь ей, на что способен. Или Катенька останется всё также сложна для тебя, или вы с ней сформируете прекрасную пару, готовую к любовным утехам в гримёрке и за её пределами. Просто вернись на репетиции.

– Кстати, не забывай принимать эти таблетки от сновидений, – слова Ильи как будто привели Пуфика в чувства собственного достоинства.

Хозяин квартиры мнительно метнулся к кровати, скромно стоявшей в углу комнаты монохромным рисунком. Пуфик открутил какую-то коробку от изголовья, вернулся в прихожую и горделиво показал эту хреновину друзьям.

– Новый вид будильника, который действует ментально? – любопытствовала Люба, взглядом скользя по плакату, где она была без одежды, но с алфавитным гироскопом в голове (изображение принадлежало периоду её роли очарован-

ной героини порнокинг, живущей в подсознании безличного мальчика-инвалида).

– Никакой это не будильник. Разве что крепёж откажет – программный блок излучателя отвалится, сбрыкает об пол, и я тогда проснусь... – насупился Пуфик, бережно прижимая чёрную коробочку к брюху. – С её помощью я могу не думать про приём «антидрима». Она заменяет таблетки. Эта штука блокирует сны, воздействуя на мозг микроволнами или как-то по-другому... В общем, она меня защищает.

Влажные глаза хозяина квартиры затопил некий священный ужас. Он будто встретил Бога на безлюдной улочке, но почти сразу забыл о таком невероятном событии, а сейчас пытался всё вспомнить при поддержке «волшебной» коробочки.

– Только не говори, что нашёл её на помойке, – шуточный Лиссов недоверчиво ухмыльнулся, поглядывая в сторону плаката с обнажённым нейро-образом Любы.

Настоящая Севередова прильнула к двери спиной, ожидая выхода из владений Пуфика.

– Я купил её у одного барыги-киберядерщика. Она работает исправно. Я сплю, но снов не вижу, – Пуфик надулся от важности и убеждения в непогрешимости спасительного прибора, став визуально ещё толще.

– Ладно, всё. Мы поняли. Рады, что ты защищён от сновидений. Маньяк до тебя не доберётся. Именно по этой причине вся труппа ждёт твоего участия в завтрашней постановке.

ке, – Люба открыла исходящую дверь, готовясь к старту. – Больше не пей. Выспись. Спасибо за пиво. И пока, – девушка вышагнула из квартиры, Лиссов устремился следом за ней, простившись с Пуфиком в скоростной манере.

Тот пьяно глянул куда-то далеко, превышая несколько психико-визуальных пределов, а после неспешно затворил дверь.

Смертельный ветер раскроил череп планеты, она уже не способна стареть.

Гигантские трубы клянутся друг другу в бесполой любви, рождая чёрные дыры снаружи, сливаясь серым кошмаром внутри. Мятая тьма ослепляет воспоминания о каждой моей жертвенной жизни, каждой уродливой красоте судьбы, что я отняла.

У них появляется огненный крик, но мне это даже приятно.

Планета пылает зеленью перерождения. Она заигрывает со мной (вся, целиком), вонзая жало раздвоенного языка мне в затылок.

Я двулико смотрю ей на дно, закручиваясь вместе с ветром. Безумный вулкан ужаса взрывается в ночь сновидений, моих исчерпанных чувств.

Любовь льётся по трубам, копится осколками дыр нагнетающей пустоши, вычищает сознание. Бессонница спит. Я сижу где-то рядом, гляжу через смерть, её глажу. Мне боль-

ше не слышится шум, я заперт свободой, но скоро и это пройдёт. Земная планета зажата в объятьях покойных.

Там все мертвецы заждались, как будто в утробе. Она убаюкает их, она их согреет, она уничтожит любого из нас...

Улыбчивый скрежет стального капкана. Прорывы туннелей сквозь тьму земли. Ласковое удушье океана, где погружается прежняя жизнь, меняется мир одинаковых кодов.

Вода исчезает в низине каскада, который статично кипит тысячи лет, что совсем незаметно и быстро. Зеркальное «я» сияет за маской.

Любовник планеты. Серийный красавчик.

Ожившая ненависть моей маски целуется с трупом Земли, вздымаются смерчи из умерших труб. Я в каждом из них. Скрытый, невидимый, близкая для всех. Персональный кошмар церебральной страсти.

Я снова соблазнительна.

Увидишь меня. Уронишь слова «Эй, красотка!» Будешь уверен, что спишь наяву, на виду.

Тут ветер ударит. Я к тебе подойду, словно сложная рана, мерцающая краями зеркальных разрывов.

Услышишь мой шёпот. И станешь кричать, но тебя уже никто не услышит. Все будут смотреть на «Смерч – это круто!», а после всё смоем дождём.

Полина поставила режим «перечитать» на текстовой программе верного ноутбука. Подкрашенный компьютер начал

чтение вслух:

«Превосходящая нью-постановка «Психотеатра» по мотивам книг/фильма/игры «Сталкер». Превосходящая многие мыслимые пределы прогрессирующего идиотства не только главного режиссёра, но и ведущих актёров труппы этого нейро-гадюшника.

Современная установка «Сталкера» хромает мозгом на все колёса.

Лиссов замечательно отыграл тупого пешехода, невероятным чудом бытия попавшего в Зону. Он старается выбраться из «проклятых земель», как червь из упавшего яблока. Но у него возникает несколько условных друзей, готовых ему помогать и мешать одновременно, используя придурковатые закосы под «Сайлент Хилл», внутри которого потерянные мальчики и девочки с успехом выполняют нормативы по бегу на короткие дистанции в замкнутых помещениях без света.

Наш отважный герой внезапно вклинился в пространство Зоны отчуждения после того, как был изгнан из института газетной механики за неуместную успеваемость. Тогда он сбежал прямо за грань привычного мирочка, напрочь игнорируя кукольную опасность, исходящую от всяческих примитивных монстров, страдающих врождённым аутизмом, ДЦП + гипертрофированным чувством безнаказанного веселья на сеновале местных фермеров-зомби.

Крутая команда сталкеров (среди них случайно оказы-

вается незабвенный Лиссов) направляется в глубины Зоны ради какого-то дерьма, что именуется «мусорной звездой». Этот отряд браво-умелых полувоенных отчётливо напоминает сборище умственноотсталых гробокопателей. Каждый из них верит в сказку Зоны про Монолит, брошенный здесь инопланетной цивилизацией (видимо, за ненадобностью).

Первым препятствием (после собственной тупости) на пути наивных сталкер-туристов становится некая аномалия, которая называется Детская Каруселька Смерти, вероятно, способная убивать одним только смехом, неизбежно вызываемым после произношения этих слов.

Наша команда неумех успешно справляется с жуткой Каруселькой, а дальше их поджидают несколько новых ужасов Зоны: БотиШкаф, переодетый в лужу пыли; сложный Заземлитель, кричащий радиацией при ходьбе наискосок; Памятник известному электромонтёру, очень оживший плюс сильно злой из-за невозможности опохмелиться; припадочный Контролёр автобуса, получивший фатальную дозу облучения, превратившую его в гламурного зомби-убийцу; перезрелый Партизан, страдающий красивым склерозом; Трупная Вагонетка, что возит раненых мутантов до госпиталя внутри четвёртого реактора и атакует слишком внезапно...

Отряд сталкеров-крегинов, преодолев все ловушки, всё-таки добирается до легендарного Монолита, но им предстоит проявить самые мерзкие свои качества (с чем они справятся играючи).

Плачевным итогом постановки будет скучное пиршество у Монолита, в ходе которого все потравятся палёной водкой и умрут, а Лиссов станет «мусорной звездой», кем он полноценно является на протяжении всей своей карьеры нейро-актёра. В общем, очередной чудовищный провал «Психотеатру» вполне удался.

Автор статьи: Полина ЛисСова».

Послушный ноутбук закончил чтение вслух и, поняв, что уставшая хозяйка уснула, через пару секунд отключился.

Презентабельный политик-мафиози (тот самый дядя убитого Смерчем нациста Гудка), «крышующий» фармакологическую промышленность, вальяжно задремал в своём кресле из кабаньих оскалов.

Он просто немного усугубил виски со льдом, перестаравшись с послеобеденной дозой для расслабления. И, разумеется, забыл принять блокатор сновидений, не имея привычки пить таблетки с алкоголем.

Такая халатность привела к тому, что смачно храпевший политик исчез из роскошной обстановки своего кабинета, когда его красивейшая секретарша вошла, чтобы попробовать отпроситься пораньше. Она ещё долго силилась сообразить, куда же делся шеф, если учесть его привычку не отлучать себя из рабочих апартаментов без предупреждения по радио или телеэфиру.

А политик-мафиози уже несколько часов блуждал в из-

менённом времени пространства. Испуганный, протрезвевший, теряющий богатую уверенность, жалобно трясущий брюшком в поисках выхода, он истерично носился по темноте какого-то подвала, который незапланированно перерастал в подземный гараж на тысячу машин страшно-синего цвета.

Дядя Гудка отчаянно закричал что-то про расплату за подобные розыгрыши, а после этого стал клятвенно угрожать пустоте вокруг. Так длилось ещё пару часов. Он безвольно устал, хотел пить, есть, вернуться в уютный кабинет к своей интимной секретарше экстра-класса.

Его стенания в этих застенках снисходительно прервало нечто, жутко появившееся перед ним матовой тенью.

– Тебе здесь не скучно? – издевательски спросила тень, закручивая слабые потоки света. – Я тебя убивать не стану, не бойся. Но ведь ты всегда можешь умереть от обезвоживания, инфаркта или вынужденного ограничения меню, которое тебе сейчас грозит.

Страшная насмешка тени повергла «загнанного» политика в панику ещё больше.

– Что я тебе сделал?! Чего ты хочешь от меня?!? – крикливые вопросы расплзлись эхом по безразличной темнотище углов гаража. Тень повелительно метнулась ближе, дядя Гудка резво отпрянув, плотно плюхнулся на задницу, привыкшую к роскошным креслам.

– Ты продаёшь людям блокиратор сна, – ласково прошипела тень. – А это слегка усложняет момент моей реализа-

ции. Ты просто должен заплатить за это, как они платят тебе за приятное ощущение безопасности.

– Но кто ты такой?! – мучительно закричал мафиозный политик.

Тень стала плавно терять очертания, точно растворяясь для мира.

– Все зовут меня Смерчем... – сладко произнесла она перед исчезновением. – Не пытайся уснуть. Ты уже спишь. И не пробуй проснуться. Не получится. Пока я не решу, что с тебя достаточно испытаний, ты будешь оставаться в этом кошмаре.

Последние слова свернулись в пустоте, как кровь покойника.

Мутная чернота скопилась вокруг дяди Гудка, который почти плакал от всего происходящего с ним. Такого стресса он не испытывал с рождения.

Что теперь **здесь** делать и в каком направлении искать выход, если он есть вообще? Политик всклокоченно поднялся с пятой точки, опять огляделся и, заметив неожиданный проблеск света, побежал туда (измученно, скованно, обречённо).

Горящая тусклой грустью лампочка под потолком комнатухи дежурного по гаражу смотрелась, словно почка, отнятая для пересадки. Дядя Гудка оглядел пыльное пространство комнаты диким взглядом. Ему почудилось, будто бы он был здесь когда-то. Хотя подобная иллюзия дежа-вю могла

придать уверенности, унылая молчаливость пустой комнаты нагнетала только тоску и безысходность.

Резкий рёв мотора вывел его из заторможенности попавшего в Ничто человека. В нижний этаж гаража вкатилось крутое авто цвета красной чумы, дверь которого играючи открылась, когда транспортное средство прекратило движение прямо напротив «будки» дежурного.

На переднем сидении пассажира сидела расхлябанная красотка-панк с розовым ирокезом и переизбытком пирсинга лица. Её наглые глаза слепили интересом к растерявшемуся политику. Вишнёво-яркая куртка этой девицы выгодно дополнялась мини-юбкой (а ещё больше – крупной сеткой колготок заштатной шлюхи).

За рулём машины сидел краш-тест манекен и улыбался счастливым оскалом идиота.

– Садись, подвезём... – голос искристой красотки звучал впечатляющим гимном свободе личных отношений. – Ты ведь не хочешь застрять в этом месте надолго?

Она ободряюще ухмыльнула напомаженный ротик. Политик был вынужден залезть на заднее сидение (где пахло мерзкой поганью разлитого бензина, перекупленного у адских барыг по дешёвке).

Авто тронулось по направлению к выезду из сумрачного гаража, но внутривенно провалилось в полночь.

– Тебе интересно узнать, кто мы такие? – загадочно спросила панк-красавица. Звёздочки точек за окнами второсте-

пенно молчали о многом.

Дядя Гудка пробовал не удивляться ничему происходящему, но получалось очень плохо.

– Мы существа сновидений, – девица начала «слоиться», её видеоряд спадал канал за каналом, как шагреневая кожа призрачной анаконды, мерцая и крошась на атомном уровне. Совершенно «облезлая» девушка через несколько пар секунд стала напоминать разложившийся труп убитой шлюхи.

– Здесь всё ненастоящее, – она заулыбалась мёртвым ртом. – Реален только ты...

На этой фразе автомобиль, уверенно ведомый манекеном, плавно летящий по авиа-шоссе, монументально рухнул на дно ванны с золотым смесителем в виде головы горгульи.

Шокированный политик-мафиози выбрался из затопленного авто и всплыл из-под воды весь в мыле, а краш-манекен + труп-красотка остались внутри, решив помыться.

Едва не захлебнувшийся приятно-белой пеной, дядя Гудка (весь мокрый, жалкий, пессимистичный) зачарованно стоял посреди готической ванной комнаты, которая в действительности принадлежала одному мультяшному персонажу. Этот самый мульт-персонаж всего лишь собирался принять ванну наружно, а теперь его лишили такой возможности какие-то уроды, изобретательные, наглые, узурпаторские твари с имперскими замашками в башках.

Его нефильТРованная ненависть прогрызлась наружу. Мафиозный политик был снова неопиСУемо удивлён, когда раз-

гневанный персонаж мультфильма кинулся на него с кривым ножом дамасской стали, который матерно блестел.

Политик бессистемно поскользнулся на мыле и, резко увернувшись от ножевого удара, шлёпнулся в гущу эксперимента по определению возможностей человеческой психики.

Он оказался среди мужчин и женщин, одетых по-космически верно. Все эти люди уже четыре месяца пребывали в огромном бункере, закрытом до окончания исследований. Политический дядя Гудка провёл несколько дней с этой командой «научных заключённых».

По ночам он мучался бессонницей, жестокой и неизбежной (ведь формально всё вокруг уже было сном, поэтому спать вообще не хотелось). Днём же ему приходилось драить общий сортир, размножать ананасы, заигрывать с местной системой контроля, сушить сухари из соли, раскладывать вещи по полкам, обхаживать спятившего попугая, взятого в «полёт» ради интересных разговоров о помойках и стрессах прессы...

Внезапно произошёл ужасный катаклизм – люди на планете погибли.

Главный компьютер открыл двери бункера в автоматическом режиме, когда дежурный техник не вышел на проверку испытуемых после истечения контрольного времени.

Люди опасливо выбрались в открытый обновлённым мир, недавно уничтоженный до основания. Дядя Гудка хотел было предложить свои услуги в плане управления планетой, но

своевременно скрылся против своей воли непонятно куда.

Пустынный пейзаж запутался в останках производства. Бывший политический деятель, бескрайне застрявший на просторах сна, грузил красно-серый уголь уставшими руками. Бежевая (в прошлом) вагонетка ржавеюще слепла под солнцем, вздёрнутом над головой дяди Гудка на протяжении безночных дней.

Он стал рабом эпохи Древнего Египта? Хотя, конечно, шахтёрское обмундирование, издавлек напоминавшее скафандр, вряд ли вязалось с периодом постройки пирамид для фараонов...

Он чувствовал себя отрезанным от мясной нарезки. И ничего более. Одна лишь боль...

Человек (считавший себя важным политиком-мафиози когда-то давно) тащил на плече кирку, обломленное кайло и штыри для разметки участка. Состарившаяся вагонетка уныло ехала следом. Жёлтые рельсы скрипели песком, а колёса сонно вращались, словно получившие инфаркт пенсионеры из одной палаты.

Дядя какого-то там Гудка оставил свою ношу на входе и медленно побрёл вниз по чёрным ступеням пещеры. Покинутое плато кричало ветром от одиночества. Ступени быстро поехали вниз. Бывший шахтёр-политик очутился в метро, на станции Последняя.

Многое вокруг безжизненно молчало о прошлом, а он одиноко брёл по кафелю пола куда-то вперёд. Полностью пу-

стая станция «умерла» три года назад (или раньше).

Человек, бывший политическим дядей в забытом сне про чужую жизнь, измученно присел на скамью. К нему шло что-то туманно-чёрное, излучающее безумное мерцание страха.

Это было Смерчем.

– Тебе понравилось «жить» здесь? – мягкий голос убаюкивал невидимых мертвецов, а на убийце красовалась маска Улыбки Мефистофеля. – Тебе, надеюсь, не было скучно? Мне – нет... Но с тебя хватит. У меня есть дела другого свойства. Пора убивать, а тебе – пора просыпаться.

Пространство зашумело, складываясь, стягивая петлю законченного кошмара.

Смерч заглянул зеркальными глазами маски куда-то в напуганный мозг кричащего человека, а затем почти сразу исчез темнотой звукового свечения.

Политик-дядя Гудка, небритый, грязный и исхудавший, с диким криком проснулся в своём кабинете.

Его красивейшая секретарша, прибежавшая на крик, ошеломлённо объяснила ему, что он отсутствовал примерно час.

Редакция газеты «Телескоп мозга» шаманила над новым номером всем креативным коллективом. Полина уже отчиталась перед главредом, оставив у него статью про «Сталкера» в исполнении труппы Александра Дюйма.

Шеф выразил своё полнейшее восхищение её работой. Этот разгромный обзор Полине явно удался (впрочем, как

обычно).

Она освобождённо шла по коридору, а навстречу ей вышагивал Бритва, со вкусом одетый, статный, стройный, сексуальный. Он ласково притормозил Полину, щёлкнул о её щёку губами и сказал:

– Привет тебе, подруга! Уже приняла хвалебные всхлипы шефа? Спешешь выпить или просто заскучать дома?

– Даже не знаю... Ты сейчас чем-то занят?

– Я сейчас непрерывно свободен. И хочу тебя куда-нибудь пригласить. Выпьем слегка, повеселим себя сплетнями про смерть и чужое богатство. Согласна? – Бритва спонтанно приобнял Лиссову, они вышли из редакции, которая почти напоминала спятивший муравейник перед пожаром на ипподроме.

Сладкое небо светилось синевой. День дарил чувство уютной радости, навеянное приятной погодой. Бритва открыл дверь для Полины, галантно приглашая в свою машину.

Девушка куртуазно влезла на сидение из крокодиловой кожи, кокетливо поправила черноту причёски, а после спросила:

– Куда поедем?

– Есть одно весёленькое место, красotka. Тебе там будет интересно, как внутри комфортного сна, – парень нахально улыбнулся и завёл двигатель. Автомобиль тронулся с насиженного места, намеренно рыча всей мощью механического тела.

Бритва вёл уверенно, точно поезд-призрак по рельсам. Полина наслаждалась мельканием городского пейзажа, лёгкой музыкой в стиле релакс, звучащей из авто-динамиков, а кроме этого – великолепным настроением предвкушения будущих посиделок.

Она была эйфорически рада подобному видению реальности.

Через немного минут Бритва припарковал автомобиль возле конечной точки маршрута – японско-мексиканского ресторана «Подсознание самурая». Они вошли: живой музыкант терзал гитару испанским мотивом страсти; официантки-гейши + официанты-амиго; красные скатерти будто в крови клиентов; икебана из сушёных мозгов тараканов вкупе с выращенными гвоздями красуется на барной стойке, покрытой зеркальным воздухом; множество картин Фриды Калло, изображающих её саму на фоне Фудзиямы; свободный столик по центру основного зала, за который уместно сели Бритва вместе с Лиссовой.

Меню напоминало список пропавшего имущества из императорского дворца Атлантиды. Друзья-журналисты-коллеги заказали что-то поесть и выпить пару коктейлей (мексиканское пиво вперемешку с полубезалкогольным саке в рисовых стаканах).

– А ничего, что ты за рулём?

– Если напьюсь, машину брошу, – Бритва хитро улыбнулся. – И поедем на такси к тебе...

– Увидим, чем дело закончится, – Полина очень по-девичьи зажгла щёки мягкой краской желания. Ей нравился этот парень (даже когда он был девушкой).

Бритва зачерпнул палочками для еды кусочек какого-то рулета из рыбы. Полина пила первый коктейль. Парень пронзительно посмотрел на неё и сказал:

– Ты знаешь про новое убийство, совершённое Смерчем сегодня ночью?

Лиссова отвлеклась от стакана, удивлённая темой разговора, покачала черноволосой головой очень отрицательно.

– Этот изобретательный маньяк разыграл сюжет «Сталкера», скинув жертву в погреб, пропитанный радиацией и лучевой смолой. Он закрыл выход фоткой Чернобыля, после чего будущий покойник помер от страха темноты – Смерч предварительно выкрутил лампочку, оставив погреб чернее мыслей негра ночью.

Бритва криво ухмыльнул своё красивое лицо. Полина неопределённо оглядела зал ресторана. Скучающие друг от друга парочки зажиточно смотрящихся господ и дамочек. Богемные юнцы, обхаживающие молоденьких девочек с киношно-смазанной внешность. Траурно-гордые одиночки, изображающие интерес к местной музыке, почти тонувшие в бокалах с красным вином.

Тревога во взгляде Полины передавалась остальным – какой-то дядя за соседним столом импозантно поперхнулся котлетой из суши, но прокашлялся и снова вернулся к тра-

пезе.

– Ты «антидрим» принимаешь? – вопрос журналистки рассеял сомнения во все стороны пространства. Лиссова волновалась по максимуму.

– Эти таблетки разве что для писанины на школьных досках пригодны... – Бритва двояко отпил из стакана. – Тебе стоит бояться кое-чего реального, не снов на самом деле... Просто обрати внимание на тот факт, что все убийства Смерча совершались после определённых событий, которые касаются тебя практически напрямую.

Полина поставила стакан на яркость скатерти и сразу же сказала:

– Он убивает по мотивам постановок «Психотеатра»... Я это поняла почти сразу, как стали происходить жуткие совпадения. Сыгранные нейро-картины отражались в реальности будущих убийств... Но снов всё-таки бояться надо, я знаю.

Друзья-журналисты понимающе смотрели друг другу в душу через глаза. Никто вокруг не услышал их важного разговора. Бритва негромко спросил:

– Ты думаешь, что убийца-серийник прячется под маской личности кого-то из твоего любимого нейро-заведения?

– Не понятно, но ведь возможно... – Лиссова красиво задумалась, а её сослуживистый спутник расслабленно разлёгся, сидя на стуле из восковых фигур.

– Даже если кто-нибудь в «Психотеатре» действительно

Смерч, тот самый, страшный, безумно-смертельный, неуловимый как галлюцинация призрака на пустыре, тогда шанс его разоблачить примерно напоминает возможность встретить президента в лифте метро... Маньяк слишком умён. Он, кстати, может оказаться всего лишь постоянным посетителем «Психотеатра», а никак не актёром или главным режиссёром. Но связь убийств с нейро-спектаклями существует, это факт реальности, который не способен стать простым совпадением.

Бритва уверенно ввергнул красноватое тельце креветки в соус. Полина больше не хотела есть (салат диетично остался почти не тронутым за аппетитные места в тарелке). Девушка быстро допила коктейль, ей очень хотелось ещё алкоголя для крови.

Теперь её догадки пробрались из области подсознательно-го в раздел «Возможность частного расследования по делу Смерча»...

Жаркая лента дороги через пустыню Австралии напоминала жаровню в Аду для Данте. Я (бывший полицейский, добросовестный герой автопатрульной службы, простой парень по имени Макс, потерявший всё) мчался по этому шоссе безумия, привычно управляя послушной машиной, которая везёт меня как всегда в никуда... Доберусь до ближайших развалин бензозаправки – там попробую раздобыть немного топлива.

Бак почти пуст. Вот впереди виден «мусорный контейнер» заправки, похожий на взорванный бар для мертвецов.

Я остановил уставший автомобиль, бегло осмотрелся. Пустынная местность казалась неимоверно забытой Богом и Дьяволом. Ржавые тела сторевавших машин будто охраняли вход, мародёрски разбросанные перед зданием...

Верный обрез ружья уже в моей руке. Я осторожно выхожу из своего авто, неспешно иду к бензозаправке, бдительно ожидая внезапного нападения. Но ничего не происходит.

Внутри мне удалось найти немного скарба, кучу бесполезной рухляди и чудом нетронутой канистры с горючим, спрятанную в глубине стандартного для этих мест тайника под стойкой.

На пополнение запасов пищи рассчитывать не приходилось...

Выйдя из полумрака здания, я увидел, что кибер-панковый уродец в противогазе фоткается на фоне моей машины.

Я моментально среагировал, и выстрелом снёс (лучшую) половину башки этого фотолюбителя. Его непригодное тело свалилось на капот. Он как будто бы предлагал помыть лобовое стекло. Или проверить уровень масла.

Я подошёл, сбросил мертвеца пинком на песок, после чего начал аккуратно переливать бензин в бак из канистры... Моя машина оживала всеми частями двигателя, чувствуя топливную влагу внутри своих пересыхающих недр.

Вдруг резкий звук – прямо над заправкой пронёсся гели-

коптер с моим старым знакомым (Лётчиком) на борту.

Этот рискованный чудаковатый летел в сторону Нефтяных Земель – загадочного города на краю пустыни, где (судя по слухам) можно было позволить себе многое, очень многое... Я направлялся туда же. Сел в разгорячённую тачку и сорвался с места, как комета, летящая за Лётчиком по шоссе.

Ближе к закату я доехал, куда хотел попасть больше, чем умереть во время авто-боя на дороге. Нефтяные Земли ждали любого бродягу, который желал испытать себя в настоящем деле. Или просто погибнуть по глупости...

Меня легко пропустили в город (ведь я был на машине, а её всегда попробуют отнять, подло прикончив владельца).

Скупые огни полувосстановленных домов в нескольких углах центральной улицы наполняли черноту вечера чем-то печально-жутким. Опасность пропитала всё вокруг.

Я остановил авто возле местного бара, спрятал обрез под кожу куртки и выбрался на воздух, приятно пахнущий выхлопными газами. Понаехавший люд также оставлял свой спасительный транспорт ради весьма сомнительных удовольствий.

Я дернул ручку двери, точно спусковой крючок – вход в бар оказался свободен. Фрэнки-Смерть был там. Он пил пиво и бессмысленно смеялся.

– Макс Пэйн! Ты пришёл за мной? – Фрэнки меня заметил. Его улыбочка стала ужасной. Пистолет примёрз к моей руке.

Вальяжный гангстер секундно выбросил вперёд руку, пальцы которой скверно сжимали укороченную винтовку. Я ловко метнулся в сторону от громыхнувшего выстрела, хватанул тяжесть Пустынного Орла за сопротивление курка после нажатия и прихерачил Фрэнки пулями к полу.

Его прозвище стало его реальностью судьбы. Теперь он просто мёртв, как сотни крыс на токсической свалке...

Где-то был слышен многократный вопль ребёнка, отражённый в плачущем голосе матери (моей убитой жены). Я бежал на крик – всё стало меняться, проваливаться в бездну пустоты, пылая чёрным огнём...

Я очнулся среди пугающей тишины на станции метро. Подземка таила трудные тайны, темнея каждым закутком углов и коридоров.

Каких-то бандитских придурков пришлось застрелить, красиво уворачиваясь от беспорядочных выстрелов с их стороны... Я вышел на морозный воздух зимней ночи. Самое время пробраться в нарко-притон Джека-Волка, чтобы прикончить пару-другую мафиозных уродов с автоматами, ножами и гранатомётом.

Закрытый бар был вполне себе открыт, я легко зашёл через крышу, после чего изничтожил малое множество голово-тяпов преступной наружности. Их безумный главарь (Джек-Волк) готовил сатанинский обряд в своей «палате» гигантского чердака, разжигая животное пламя...

– Ты хочешь поучаствовать, Макс Пэйн? – он смотрел

сквозь моё лицо, его глаза разрывали пространство. – Сейчас я стану Сатаной! А после этого – тебя прирежу.

Джек-Волк метнулся ко мне. В его крепкой руке с татуировкой скандинавского дракона красовался сверх-острый мачете.

Он не сумел стать Сатаной... Я продырявил Джека-Волка из ружья, из пистолетов плюс кинул в него бутылку воспламеняющейся смеси.

Он горел с криками невнятных проклятий, забирая себе свою смерть.

Я выбрался из криминального здания, пошёл сквозь снег к следующей цели. Пора проникать в особняк коррумпированного сенатора, прикрывающего весь этот сброд из наркокартеля.

Уличные фонари горели будто с того света, наблюдая за мной. Я перелез через ограду, постреляв охрану, пробрался в тёмный особняк Альфреда-Вуду. Сенатор не спал – застать его врасплох не получилось.

Зато я сумел пустить несколько смелых пуль в тело этого коррупционера. Он хрипел, готовясь принять смерть внутрененно.

– Ты не сможешь победить наш синдикат, Макс Пэйн... Тебя уничтожат, как бешенную антилопу-копа. Ты никогда не победишь... – Альфред-Вуду произнёс последнюю речь в своей бесчестной жизни. Его подлое сердце прекратило стучать, а я оставил это место смерти и направился по финаль-

ному адресу моей мести.

Холодная громада небоскрёба чернела над спящим городом. Этот высокий «бункер злобы» выглядел совершенно неприступным. Десятки наёмных убийц-спецагентов охраняли хозяйку нарко-синдиката. Николь-Тварь. Паршивая старуха. Женщина-гибель, виновная во всех моих трагедийных бедах и загубленной жизни...

Мне посчастливилось ворваться внутрь небоскрёба, прикончить кучу охранников-мразей, приехать в лифте на самый верх, а уже там выдержать бой с вертолётom, который разметал пентхаус Твари огнём из пулемёта, но не попал по мне ни разу.

Я взорвал вертолёт гранатой, крайне измождённый, весь изрядно потрёпанный, отправился искать нарко-старуху в тёмной глубине помещений... Она сама меня нашла.

Николь-Тварь сжимала мини-автомат во властной руке.

– Теперь тебе придёт конец, Макс Пэйн, – жуткий голос хозяйки небоскрёба растаял в звуках полицейских сирен. Они неслись за мной через ночной город, куплено-прикормленные, готовые защищать эту старуху-хищницу за её кровавые деньги...

Быстрые выстрелы резанули воздух в нескольких местах, но я смог увернуться и перекатился к офисному столу перед огромным окном с миллионным видом на городское безразличие. Николь-Тварь выпотрошила обойму своего оружия, не задев меня ни единой пулей, а дальше метнулась к выходу

на крышу. Я успел проскочить вслед за ней и насладиться снежным верхом цитадели нарко-ужаса.

Старуха-смерть стояла по центру вертолётной площадки, готовясь, что ли, улететь как Супермен... Я хладнокровно пристрелил эту Тварь из заряженного народными целителями пистолета, после чего на неё упал самолёт из мультфильма про гремлинов.

Я подошёл к морозному краю небоскрёба, снял красивый палец с курка, и тогда всё было кончено...

Новый нейро-спектакль «Психотеатра» оборвался на титрах. Актёры покинули сцену, зрители выходили на улицу, полные пустых впечатлений.

Серийный убийца Смерч готовился к новым свершениям.

Старший детектив Гидра знал, что маньяк наверняка готовит нечто очередное. Климку уже почти снились все файлы, добытые лейтенантиком обзорной службы по этому делу, но такой важный момент совершенно не помешал сыщику снова поселить себя на рабочем месте в ожидании блеска звёзд ночного неба.

Детектив почувствовал себя несколько удивлённым, когда к нему в кабинет вкатился коррумпированный политик (дядя поганого покойника Гудка) и, весь остросюжетный, злобно настроенный, требующий мести всем подсознанием, стал запугивать Гидру своим же испугом.

– Если вы не поймаете этого уродца-убийцу, мои стенобитные охранники поймут вас в каком-нибудь безлюдном бункере или подвале, – мафиозный политик пытался настроить сыщика на быстрейшее раскрытие дела, используя милейшие тона угроз.

– Расследование не проходит бесследно, – пробовал заставить Клим своего оппонента, который готов был кричать разгорячённым мозгом через озёра красных глаз. – Многое нам уже почти известно... Мы продвигаемся по тонким граням этого кроссворда паутины душ...

Старший сыщик стойко выдержал взгляд дяди Гудка (испуганный, но жутковатый). Мафиозный политикан выронил изо рта фразу «Теперь помните – **мне** нужны результаты, а *вам* нужно его найти живым, мёртвым или очень мёртвым...» и выпихнул себя из кабинета.

Клим Гидра закурил чёрно-красную сигарету «Взрыв» (предпоследнюю в пачке), сверх-задумчиво выдохнул дымное облако, сразу затопившее потолок, и врезался взглядом в плакат Шерлока Холмса. Английский гений сыскальной работы смотрел с неодобрительной насмешкой.

Гидра три минуты мусолил мысль про некую двойственность системы убийств, совершаемых Смерчем... Что-то лейтенант из «обзорной» здесь явно нарыл, в этой инфе. Последний случай стал радиационной феерией по мотивам «Сталкера». Жертва: скучный мужчина без вредоносных привычек, но с носом стандартного клерка в дешёвом костю-

ме из супермаркета для среднего класса.

Старший сыщик почему-то вспомнил слова легкомысленного лейтенантика о том, что тот очень хотел пойти со своей подружкой в самый крутой нейро-театр города, когда у него нарисуетя выходной...

Постановка, нейро-кино, убийство в исполнении Смерча...

Гидра экстренно врубил комп-экран, который засветился радостным мерцанием, и начал искать сетевые статьи про «Психотеатр» (самое лучшее заведение подобного типа). Особенно читаемый материал принадлежал перу Полины ЛисСовой, очаровательной журналистки газеты «Телескоп мозга» (судя по фоткам).

Нестандартно находчивый детектив открыл список прошедших кино-спектаклей «Психотеатра» и сразу понял всё...

Декорации, изображавшие Готэм-сити, спутались зловещей полутьмой на сцене. Шла репетиция «Бэтмена», но Александр Уралович сегодня не очень-то следил за её комиксовым ходом. Эта мучительная брюнетка-сволочь опять напридумывала несусветную ересь в своей статье «Безумный Макс Пэйн», назвав их замечательный театр «сборищем любителей нейтральных скоростей и тетриса для крыс с кефиром».

Абсолютная чушь, написанная ЛисСовой, бесила Алек-

сандра Ураловича, почти как фотография одержимого священника за обедом в ватиканской столовой. Главный режиссёр Дюйм чуть безразлично наблюдал эпизод, где Бэтмен смело тырит свободу Джокера, бросив безумного клоуна в местный дурдом Аркхэм, а после – пытается показать Женщине-кошке своё умение целоваться взадос.

Тут неожиданно в зрительный зал вшагнул какой-то мужик, похожий на киношного сыщика со шляпой на башке.

– Стабильного начала дня вам. Меня зовут Клим Гидра, я старший детектив. Расследую здесь дело серийного убийцы Смерча, – мужик-сыщик сдвинул шляпу куда-то на затылок. Его напряжённый взгляд будто прожигал ближайшее пространство.

Александр Уралович вежливо поздоровался и крикнул через микрофон, чтобы нейро-актёры сделали вынужденную остановку.

– Нас в чём-то подозревают, ребята. По этой причине прошу пройти всех сюда, – режиссёр Дюйм посмотрел на сосредоточенность лица детектива, затем спросил. – Ваш визит в сей храм бизнес-искусства станет для кого-то печально-фатальным? Я бы не хотел никого терять накануне премьеры.

– Возможно, что нет... Мне нужно проверить каждого из трупы. И вас, разумеется, тоже.

Клим Гидра сообщил строгим голосом смысловую цель своего появления перед работниками «Психотеатра», когда все нейро-актёры собрались возле места посадки главного

режиссёра.

– Маньяк Смерч убивает мирно уснувших людей, копируя ваше расписание спектаклей. Я должен допросить всех вас. Точно предполагать нельзя, но, может быть, неуловимый серийный супер-убийца стоит прямо сейчас здесь и прячется передо мной под маской типичного человека, – Гидра оглядел «подозреваемых»: Пуфик надулся внешностью Пингвина; смешливый Котяра улыбался рваным ртом Джокера; Люба Севередова обтягивалась латекс-костюмом Женщины-кошки; Максим Красивый изображал раздвоенность Дзуликого; Катенька Единица соблазнительно позировалась как Ядовитый Плющ в бикини из цветов; Лиссов был в образе Бэтмена.

– Какие ваши доказательства? – Котяра решил слегка пошутить, чтобы специально разрядить напряг обстановки. Старший сыщик жёстко улыбнулся в ответ и сказал:

– Достаточно уже того, что последнее преступление было совершено по мотивам вашего вчерашнего вирт-спектакля. Смерч насмерть столкнул уличного автогонщика со своим же отражением на скорости 152 км/ч. Самоуверенный парень-водитель сильно убит. Машина не подлежит восстановлению. Зеркало не пострадало... После этой смертельной процедуры маньяк прохрипел финальный монолог Макса Пэйна и улетел с вершины небоскрёба в совершенно неизвестном направлении сновидений.

Клим Гидра выжидательно замолчал, изучая реакцию

участников следствия через полутьму зрительного зала. Режиссёр и его подопечные инстинктивно забеспокоились.

– Где я могу допросить каждого из вас? В театре найдётся помещение, не напоминающее застенки инквизиции плюс хорошо проветриваемое в плане вранья? – детектив ухмыльнулся (креативно и совершенно беззлобно).

– Вам наверняка придётся по вкусу мой персональный кабинет, пройдёмте туда, – Александр Уралович бодро выпрыгнул из-за режиссёрского пульта, ещё бодрее зашагал к дальним дверям. Остальные скомканно проследовали за ним, подгоняемые суровым взглядом нежданного следователя...

Обстановка офиса главного режиссёра почти шокировала неискущённых, но Гидре было почти наплевать на этот местный факт.

Его не сбило с толку присутствие двулинейных орфограмм, размазанных по потолку; внимание надстрочных патриотов, видимых сквозь стенки сейфа; притягательное состояние огня, закрытого на заговоры шамана в шкафу; фигурное выдыхание синтетических крошек; станционное роскошество позолоченных крышек от вудуанских гробов, кричащих шёпотом по субботам; наивное преувеличение моральных инфра-картин; безумные, как 320 кошек, мемуары ре-агента; наполовину сточенные стебли ананасных ящериц, довольно похожих на галстук президента...

Старший детектив уселся в предложенно-мягкое крес-

ло из кожи студенистого аиста, снял шляпу (сместив её на подоконник цвета пустынного хаки) и оставил перед собой Александра Ураловича, временно отпустив всех остальных постоять за дверью в довольно волнительном настроении.

– Этот жуткий сыщик нас сейчас окончательно замучает, – голос Кота звучал на редкость грустновато-скучным.

Диалог-допрос Александра Дюйма:

– Значит, главный режиссёр – именно ваша профессия?

– Условно, но несомненно.

– Скольких убили на сцене?

– Я их считаю через одного. Смотря, какая постановка...

Это ведь не настоящие убийства, вы должны понимать.

– Естественно, ещё бы, уж конечно... Вы любите читать картины сумасшедших?

– Иногда. И только под дождём. Так лучше видно.

– Трудно считать себя режиссёром в таком заведении?

– Уже нет. Труднее быть им здесь.

– Кто может оказаться серийным убийцей, кроме или вместо вас?

– Какой-нибудь мужик из ресторана диетической пищи...

Тонкая женщина, смакующая безалкогольные напитки возле спирт-ларька... Нестойкий подросток, получивший гениальную формулу причинения смерти всем подряд... Инопланетное существо, которое хочет наказать нас.

– Допустим. А кто не любит критиков? Вы?

– Их даже они сами не очень-то любят, детектив.

– Я так и думал... Хотите есть?

– Гораздо с большим удовольствием я выпил бы вон ту бутылку коньяка. Она и так пуста на четверть...

– Мне сложно запретить вам эти мысли. Я понял, что пора позвать кого-то из-за двери. А с вами мы пока закончим.

Диалог-допрос Максима Красивого:

– Сколько на ваших часах было убийственных взглядов?

– Я никогда не смотрел на свои часы, детектив.

– Вам бы понравилось быть серийным убийцей в лихом сериале по выходным?

– Мне бы тогда очень захотелось торговать пончиками в котельной. Неплохое хобби, как мне кажется...

– Да вы эстет. А что по поводу коллег? Кого-нибудь слегка подозреваете?

– Я слишком хорошо знаю их слабую тупость. Никто из них не способен на такие свершения преступлений. Даже я сам.

– Отлично, Максим. Вас раздражают старики в красных куртках?

– Только по четвергам и чётным числам.

– Тогда мне всё ясно. Закончим эту беседу. Пригласите следующего несознающего.

Диалог-допрос Любы Севередовой:

– Вы красивы? Или просто сексуальны?

– Сейчас я всего лишь обворожительна. Я в образе, не забывайте.

– Я вижу, да... Так когда вам впервые захотелось убить?

– Мне совершенно этого не нужно. Я слишком хороша для нашинковки трупного мяса.

– Вы влюблены в кого-то из труппы, кстати?

– Очень личный вопрос для такого милого мужчины.

– Я ещё и милый сыщик, дорогуша.

– Тогда ответчу вам примерно в таком ключе: в меня влюблена вся мужская часть «Психотеатра». А вообще-то, возможно, и женская тоже...

– Я рад за вас, доволен собой, немного голоден, но пока не устал от общения с вами... Сколько раз за ночь вы видите сновидения, а сколько – испытываете сны?

– Пока не стала принимать «антидрим» – видела разные сны, но всегда бесплатные.

– Вы идеально чудесны... И последний вопрос. Вы натуральная блондинка, которая красится в белый, если темно?

– Абсолютно верно, детектив. При этом я – не серийный маньяк, а всего-навсего – красивая нейро-актриса.

– Похоже на то... Жаль, но позовите кого-нибудь из коридора, пожалуйста.

– Например, повара с подводного вертолёта?

Диалог-допрос Котяры:

– Сразу хочу вам признаться. Я не вернул библиотечную книжку про говорящих пираний в третьем классе чужой школы. Вы теперь меня арестуете? Или сразу застрелите?

– Нет, конечно. Хотя, есть идея казнить вас на электриче-

ском диване из костей шутливых грешников.

– Это стало бы для меня интересной честью. Вам обязательно спрашивать о моей прямоходящей житухе?

– Пока я старший сыщик – разумеется... Вы закрываете на замок юмора свои комплексы неуверенности?

– Кто-то должен так поступать, когда скелеты валяются из всех шкафов. По настоящей реальности я крайне самоуверен и до неприличия нарцисс. Или думаете, что это снова шутка?

– Я думаю, что вы бы легко сумели делать впечатления для вдумчивых статуэток. Скажите правду – притворяетесь, будто серийный убийца не вы, а кто-то более другой?

– Мне было бы не приятно поступать подобным образом. Мышление не позволяет.

– Вы обожаете жёлтые футболки?

– Несомненно. Гораздо сильнее, чем не жёлтые.

– Понятно... Можете идти и веселить своих коллег, но позовите одного из них сюда. Без всяких шуток.

Диалог-допрос Пуфика:

– Переживаете?

– С чего вы взяли, детектив? Мне просто холодно и жарко.

– Бойтесь, что я стану обвинять вас во всех нераскрытых преступлениях за этот год?

– Именно. Но заявляю искренне, я никого ни разу не убил.

– Даже в мыслях?

– А в них – тем более!

– Весьма похвально, чтобы быть правдой... Много пьёте

по ночам?

– Обычно выпиваю днём и вечером. Не всегда во время работы. И не часто в одиночку.

– Мечтаете о любви и популярности среди людей будущего?

– Рассчитываю на скромный процент планетарной памяти, если смогу совершить что-нибудь неординарное, необычное, чёткое...

– То есть – поубивать во сне сотню-другую человек?

– Вовсе нет, детектив! Чтобы войти в мировую историю, я бы хотел стать знаменитейшим актёром виртуального кино, сниматься с очень красивыми партнёрами, высоко скакать на батуте, пить только алко-кефир без мяты...

– А ещё тренировать будущих чемпионов по мутациям мозга... Мне понятен ваш распорядок жизни. Теперь можете идти и позвать сюда одного из следующих, если они ещё не разбежались.

Диалог-допрос Катеньки Единицы:

– Вы сегодня вечером ничем эротичным не заняты?

– Возможно, что нет. А вам бы хотелось меня развлечь чем-то?

– Я с удовольствием развлеку вас вопросом про смерть, убийства во снах и выбор шампанского для частных встреч. Так кто же из участников представления является убийцей, тем самым Смерчем? Наверное, вы?

– О, да, конечно. Это именно я убиваю всех подряд, когда

делать нечего. Или если совсем скучно смотреть на своё отражение в зеркале над шёлковой кроватью посреди разгара любовной веселухи... Детектив, вы считаете меня душевно-отсталой идиоткой?

– Я просто проверял вашу непогрешимость. Продолжим разговор. Вы любите буфеты после весны при цветах?

– Ещё бы! В них я чувствую свободу настоящей укротительницы сердец. Вы засмутились, глядя на меня?

– Я слишком многое видел, чтобы вот так засмущаться. Мне приятно иметь вас в качестве подозреваемой, это правда, да. Но где происходило пятое по счёту убийство? Вы не знаете? Или не желаете знать?

– Действительно, не знаю и помнить не хочу. Мне больше интересен завтрашний день премьеры и безудержный разгул среди тропических чудес. Чем вы сами собираетесь оправдать блестяще-затяжную поимку маньяка-кошмарщика?

– Отличнейший вопрос, красотка... Я думаю, что меня наградят деньгами. И вышлют в жаркий отпуск. А после всех заслуженных развлечений я куплю сухопутную яхту, билет в ваш нейро-театр, своенравную гитару-стул и пива... Вот такая оправдательная программа... С вами у нас пока всё. Будьте роскошны позвать последнего для беседы.

Диалог-допрос Ильи Лиссова:

– Значит, вы, по меньшей мере, лучший актёр этого храма вирт-кино? С собой гордитесь, верно?

– Но не до такой степени, чтоб убивать беззащитных спя-

щих. Я самый обычный парень, которого иногда узнают на улицах...

– Ясно. А вот эта изумляющая журналистка из «Телескопа мозга» вам кем приходится? Однофамилицей? Или тайной сестрой?

– Вы, вероятно, удивитесь, но она со мной даже не знакома. Я сам видел её только на фотографиях в Сети. Вот и всё.

– Ладно. Вернёмся к делу о серийных убийствах... Вы верите в другие измерения, как в окна оживающей смерти?

– Скорее да, чем нет. Всегда приятно думать, будто смерть подсознательно жива. Удивлены моим ответом, детектив?

– Практически шокирован... А как часто вам необходима зарплатная премия, чтобы выбросить мусор?

– Довольно-таки никогда. Стараюсь тратить премии на более развлекательные поступки. Скажите, что я – безответственный человек в костюме летучей мыши-супергероя?

– Если честно, то я так не считаю. Однако вы производите довольно сильное впечатление. Угостите меня автографом для моего помощника из службы обзора?

– Похоже, это был самый главный вопрос в нашей постижимой беседе... Секунду... Вот, возьмите.

– «С пожеланием жизни, от подозреваемого по делу Смерча, основного актёра труппы «Психотеатра», Ильи Лиссова»... У вас интересная подпись. И весьма странный почерк.

– Спасибо. Здесь я ещё не слишком старался.

– Тогда – благодарю. Был рад знакомству с вами и вашими

коллегами по творческой работе. Можете вернуться к репетиции.

– С безумной радостью. До свидания, детектив.

Клим Гидра покинул «Психотеатр». Здание снаружи словно смеялось над ним. Новая версия, что маньяк – один из участников нейро-группы, треснула от напряжения и развалилась на диване усталых кусочков смертельной мозаики.

Старший сыщик туманно-мрачно закурил лилово-жёлтую из пачки «Взрыва», муторно пошёл куда-то по улице. Он уже сравнил свои ощущения с таблицей показателей детектора словесной правды (карманная мини-модель для подобных допросов), который был то ли сломан, то ли объявил робо-забастовку.

Ничего конкретного... С таким же успехом убийцей мог быть сам детектив, все из труппы поочередно или вообще никто. Расследование снова накренилось в сторону чёрной дыры непонимания истины. Надо будет ещё понаблюдать за этим «Психотеатром», надо... Кто-нибудь из них всё-таки способен оказаться серийным убийцей. Очень даже. Придётся окончательно закурдривить извилины. И понадеяться на чудеса возможностей человеческого мозга. Иначе раскрыть дело маньяка, похоже, вообще не получится.

Приятно уставшие после репетиционного дня, актёры «Психотеатра» (без главного режиссёра Дюйма, который ре-

шил отдохнуть дома, в компании бутылки коньяка) собрались в баре «Трап», чтобы хорошенько расслабить свои души, растревоженные визитом детектива Гидры.

Сидя за привычным столиком в форме лунной рыбы у думных окон, ребята обсуждали: сегодняшнее «безумие следствия», их общие шансы поймать маньяка собственноручно, модные шмотки в разгар полиомиелита, сутулость снайперов, красоту встроенных масок, высоту штативов для тренировок по футхоку, трудоголизм завязавших алкоголиков осенью и завтрашний спектакль по мотивам фильмов про Бэтмена...

– Да Илюха замечательно сыграет! Как всегда, впрочем. Я в нём уверен, как в собственном трупе, – Макс лихо допил бутылку пива «Холод», а затем начал жевать шашлык.

Белая блондинка-снег Севередова, потягивая сквозь трубочку коктейльчик, сказала нежным пафосом:

– Из-за того, что мы стали подозреваемыми – завтра на сцене устроим такое супер-представление, о котором напишут в обзорах только хорошее.

Она подарила Котяре хмельную улыбку, тот весело сверкнул глазами.

– Кстати, об обзорах... Вон там, у стойки, это же та самая журналистка чёртова, – Кот указал, куда все стали сразу елозить глазами.

В том направлении базировалась барная стойка. А за ней красиво сидела Полина, наслаждаясь непастеризован-

ным пивом из нестеклянного стакана со льдом и мягкой музыкой в стиле хард-кор.

Нейро-актёры охерительно обомлели. Каждый участник коллектива по-своему желал зла этой паршиво-мерзкой журналисточке (возможно, лучшей газетчице города). Никто даже подумать не мог, что она оказалась здесь очень специально.

– Так, ладно... Вы её подержите, а я ей метко врежу, – Единица напоминала смертельно опасного хоккеиста на пенсии.

– Да пошла она, писака-погань, – пьяный Максим пенно открыл новую бутылку, свернув крышке голову жёстким движением жёсткого парня. Тут же послышался пухлый полушёпот Пуфика:

– А если с ней подружиться? Может, тогда она станет добрее к нам относиться...

– И сразу начнёт кричать во всех статьях, какие мы хорошие таланты. Ну конечно, – саркастический спич Котяры заставил Пуфика тучно заткнуться, прижаться к своей кружке и обиженно давиться горьким пивком.

Расслабленный Лиссов молча поднялся из-за стола и, под взгляды «изумлённой публики», направил себя прямиком к Полине.

– Неужели такая милая красавица может придумывать настолько мерзкие обзоры для самой читаемой газеты, что ими вполне можно изгонять демонов и доводить до безумия ад-

вокатов?

Полина ярко обернулась к говорящему, а когда поняла, кто он – заметно вооружилась кокетливой серьёзностью.

– Так вот как ты выглядишь в обычной жизни. Вне сцены, так сказать. Нейро-образы вам больше к лицу, – девушка чернично ухмыльнулась, нагло поглядывая в глаза Илье. – Вирт-костюмы плюс грим всех делают такими героями.

– А журналистика превращает любого кретина женского рода в гениальную акулу пера, – Лиссов привинтил немалую злобу к весёлому тону своего ласкового голоса. Полина жёстко упёрлась взглядом в стакан.

– Если я угощу тебя самой дешёвой выпивкой, что имеется у них здесь, ты перестанешь сочинять высосанные из прокаленного работой мозга статейки?

– Ты настоящий кавалер. Такой галантный, щедрый. Весь из себя театр-звезда... – брюнетная красавица вызывающе смотрела на Лиссова. Ей почему-то вдруг понравились его многоцветные глаза, напоминавшие любой сезон года, любое время дня, секс-сумасшедшую ночь с ясно сияющей луной...

Нейро-актёр внимательно сказал:

– Ты, видимо, думаешь, будто все наши зрители видят постановки также, как ты? Наивная, красивая глупышка, – Илья снисходительно улыбнулся. – Открою тебе маленький секретик... Твои статьи популярны лишь потому, что ты талантливо и бесподобно пишешь. Только тебе одной наши спектакли кажутся такими бездарными, дурацкими, тупыми.

В них ты подсознательно глядишь на себя... Я догадался об этом почти сразу. Не нравится тебе или **очень** не нравится, но это – единственное объяснение.

Лиссов победно умолк, наслаждаясь моментом психологической мести, пастеризованным пивом из жестяной кружки без льда и нежной музыкой в стиле хеви-метал.

Для растерянной Полины его безжалостные слова стали чем-то уникальным в плане раскрытия правды. Девушка боялась признаться себе самой, но безусловно чувствовала, что этот чёртов парень прав. Она сама всё понимала...

Довольный собой (как никогда), Илья неожиданно увидел, что эта черноволосая сволочная идиотка-газетчица плачет почти навзрыд, совершенно не стесняясь нахлынувших чувств солёной обиды. Нейро-звезда заметно опешил. Ему стало стыдно и мучительно жаль девушку (беззащитно ревущую искристыми слезами, абсолютно красивую, такую притягательную необъяснимо).

– Извини, конечно. Я не думал, что так получится... Может, перестанешь всхлипывать на весь бар, пожалуйста... Я прошу прощения, – Илья мягко волновался, смотря за реакцией зарёванной Полины.

– А ты считал, что я, как все мои статьи? Бессердечная сволочь и тварь?

– Это ты меня сейчас так назвала? – Лиссов слегка пошутил, стараясь улучшить девушке настроение.

– Это я тебя сейчас просто спросила... – улыбнувшись,

Полина принялась вытирать слёзы барной салфеткой.

– Что-то много у меня сегодня вопросов, – сообщил парень, желая занять собеседницу разговором на отвлечённо-нейтральную тему. – Утром в театр приходил детектив и строго учинил допрос всему коллективу. Искал в одном из нас серийного убийцу. Подумал, что я – Смерч. Весело, правда?

– Да уж. Очень.

– Всё, успокоилась? Снова реветь не начнёшь?

– Пока нет. Хотя, если ты опять меня доведёшь до слёз, выбора другого не будет, – снова уверенно-красивая, Полина очаровательно провела пальчиками по черноте своей чёлки. Илья осчастливленно улыбнулся от всего сердца.

Девушка стойко поставила пустой стакан на стойку, ментально допив остатки, после чего произнесла:

– А я ведь сюда не случайно пришла... Я веду частно-журналистское расследование.

– Только не говори, что по делу Смерча, – Лиссов подарил Полине удивлённо-смутный взгляд. – Раскрыть это гиблое безумие, наверное, ни у кого не получится. Зря время потеряешь.

– Не будь таким категоричным... Ещё посмотрим – рассекречу я маньяка или нет, – девушка дала почувствовать свою решимость.

Илья глянул в сторону столика, где напивались его коллеги (Максим стабильно задремал; Пуфик робко пробовал

заигрывать с Катей, которая почти уже слушала его вялые комплименты; бледно-белая Севередова кокетничала с веселейшим Котярой; шутливо-пьяный Кот веселил кокетливую Любу).

Лиссов вернул внимание своей сверх-интересной собеседнице и сказал:

– А ведь мы официально не познакомились. Меня зовут Илья. И, как я понимаю, мы с тобой наделены одинаковыми фамилиями...

Лиссова красиво увидела себя в его объятиях. Девушка стиснула торжествующую улыбку, прикрыв её статичной краснотой помады, а дальше – назвала своё имя (с чувством необычной теплоты внутри):

– Меня зовут Полина. Фамилия такая же, как у тебя, ты знаешь сам.

Он снова улыбнулся:

– Это явно чудо какое-то, не так ли? Есть мысль, которая повергнет нас обоих в крайнюю радость. Хочешь заплакать от счастья? Увидеть рождение поэта? Стать чуть красивее душой без одежды? Или просто посмотреть изнутри на мою скромную квартиру?

Она согласилась.

Смерть жива. Как и раньше.

Я вижу её, мне опять хорошо.

Только так я свободна (свободен). Когда убиваю.

Всё может разбиться о небо, я знаю, я помню... Вмерщвлённый ветер теряет мой слух на лету. Сырая серость запаха серы.

Мягкий яд огня струится металлическим соком, испаряется всё.

Мрачные кратеры мозга бликуют под свергнутом солнцем. Смерть стара. Но я убиваю и дальше. Кино обо мне.

Нейро-картины невидимых глаз, моя маска, их много, а я – лишь один (лишь одна). Спрессованные души трупов глядят в никуда уже без надежды. Смиренье для мёртвых.

Мои отраженья вживаются кругом, проникая повсюду, срывая реальность, монтируя время по звёздам, которые видят грехи.

Мутные тучи играют дождями. Со мной стонет песок, закрывая кровавые капли. Долгая тень падает в небо. Шаткий слой уродства копится, крутится с ветром затмения. Всё – выше.

Смерть сильна.

Я искалечил(а) принцип исканий. Страдать не пришлось. В никогда лишь останусь. Но это не долго, не страшно...

Убийство – стандартное средство любви к изменению. Безважная вещь. Инструмент психопатки (безумца).

Мистерия смерти во тьме, чернильные выстрелы ночи. Меня теперь не найти, никому. Только маска в зеркальном лице под усмешкой.

Сон сыгран. И я победила (убил).

Но сколько ещё это делать придётся для счастья? Смерть нежна.

Она обнимает, разделённо, статично, без злобы, печально, навечно... Я ей интересна (любим), иначе меня бы сюда не пустили, я чувствую это всей кожей будущего. Я вижу всегда её отраженья.

Она меня укрывает от своей ненависти, контроля и скорби.

Исчезновение улиц, стихия, захват темноты, перепады иллюзий, туманные пряди вечных. Спутанный сумрак, раздробленный мной. Закопанный внутри смиренной рубашки. Кивающий в тень на стене без краёв, без уступов и трещин.

Пламенный выкрик луны во все окна. Сгорающий космос беззвучья.

Смерть вечна.

Вспыльчивый лёд осыпается по розе ветров, я проникаю повсюду, за мной крутится время пришествий. Расход белизны на снегах. Пустые портреты океанских глубин.

Страшная улыбочивость любых моих отражений, предел горизонта событий, где расщепляется маска, становится мной, я появляюсь...

Во взглядах скомканы мечты о пустоте перворожденья. Я прекращаю это.

Остановила (перекрыл) их жизнью сток, что стало чем-то жутким, но прекрасным. Уже нельзя забыть безумства сновидений. Уже меня остановить нельзя. Смерть молодая. И

смотрится моложе общих лет...

Спадая в память, прорывая мраком холод, она вылизывает языком огня гротеск сердец.

Прикрыв моё лицо структурой зеркала для переноса снов, она сверяется с двоичностью ущерба всех расчётов, древних уравнений.

Мне раскрывается другое измерение силового поля, которое гораздо ближе к темноте. Моя покровительница сверкает стальными косами волос, её улыбка – вечна.

Пустынный голос говорит «Смерч – это круто!», звук ужаса заигрывает с эхом. Кошмар заклинило на полувздохе. Закат опять разменян на рассвет, а всё другое – только воздух.

Прокручивая кадры сновидений, иногда можешь увидеть галлюцинации призраков, которые не знают о себе вообще.

Смерть крута. Я собираюсь выплавить для неё несколько весёлых событий, чтобы никому не было скучно. Узнаем, чем всё закончится.

Хотя, конца, конечно же, она не дожждётся, я понимаю – её легко увлекут иные миры новейших сознаний, чужие пространства, другие игрушки...

Все мои маски смеются её чернотой. Я плачу в радость сквозь их смех. Мне так приятно с ней теперь, она искривлена, стихийна, непременна.

Я рада (счастлив), привычно изумлён (восхищена). Она великолепна в завершении, но ей совсем не важен результат. Ей нужен я (нужна), и больше никогда никто. Все осталь-

ные – сталь раздвинутых искажений, раздвоенных силуэтов, невидимых образов.

Вот именно теперь я чувствую, что снова начинается незрительная явь преобразования, когда из тканей тела вырываются зеркальные штыри, растут из позвоночника, точно ночью, разрезавшей плоть светового дня.

Крови нет, как всегда. Зато зеркала, торчащие из меня острыми иглами величиною с гвоздь для гроба (местами – больше и объёмней), похожи на клыки акулы. Опасной, древней, хищной.

Иглы моего тела бликуют, но я закрыт (невидима) тьмой. В пустоте. Одна лишь смерть – наслаждение. Я живу ради смерти...

Многое будет существовать почти бесконечно. Что-то исчезнет легко, насовсем. Быстро уйдёт в Небытиё.

Только смерть останется, будет всегда, будит всех в сон. Зеркальные гвозди, торчащие из моего затылка, смотрят за этим процессом каждым своим (моим) остриём... Мёртвая поступь, глухие шаги, смятое небо над миром.

Одиночество разбросано кровавой завесой, неброский контроль развеян по ветру шумной тишиной.

Смерть одинока.

Иногда у неё случаясь лишь я. Хоть это – отрада уродства. А ведь она не бывает красива, не так ли?

Бывает, но редко. И не при всех, не со всеми.

Тьма крутится вихрем. Торнадо сметает перекрёстную па-

мать. Кресты Забвения. Дыры в разрытой земле, могильный ход в будущее, прозрачное время. Жаркие кости на чёрном снегу, быстрые молнии мёртвых.

Я гляжу в глубины пространства, смещаю беременность мыслей, которые дороги ей, как всегда... Смерть важна.

Её жизненный цикл почти совершенен. Скучно ей не бывает, ни разу.

Она мне рада всегда, мной любима.

Извивается время вокруг, всё становится чёрным, размытым. Горбятся страхи холмов под дождём.

Ураганы истории покоятся в пирамидах. Белёвые звёзды сверкают не ярко. Исчёрканный горизонт слоится огнями разваленных зданий, таких роскошных своею разрухой и гнилью...

Человечество давно закопано внутрь собственных тел. А смерть никогда не тоскует об этом.

Она просто почистила дно моих масок, каждую похвалила. Пока что их оказалось 16, но скоро число убийств разрастётся, я знаю.

Края гвоздей у меня из локтей режут воздух в полёте. Смерч мчится безумной спиралью, прорывает пространство сна, измерений уже не хватает. Земля прекращает вращаться.

Смерть жива, стара, сильна, нежна, вечна, молодая, крута, одинока, важна...

Гвозди лезут повсюду. Из шестнадцати трупов исчезла

вся кровь, вытекая наружу через сквозняк измерения, она послушно струилась на лицо моей маски, а я наслаждалась (был счастлив), выедавая их души, меняя любую судьбу пустотой.

Опять хорошо разбиться о небо сырая испаряется солнцем невидимых глаз без надежды для мёртвых срывая грехи кровавые капли падает слой затмения исканий не страшно любви психопатки во тьме выстрелы ночи усмешкой убил для счастья нежна обнимает печально меня будущего отраженья своей ненависти перепады вечных без краёв луны беззвучья повсюду пришествий расход глубин отражений во взглядах перворожденья стало жутким безумства моложе лет в холод сердец лицо переноса древних раскрывается к темноте сверкает косами голос ужаса с эхом на полувздохе сновидений призраков знают смерть событий не было конца сознаний маски приятно теперь в завершении никто искажений образов снова явь тела зеркала для гроба похожи тьмой исчезнет всегда за каждым миром кровавой завесой развеян вихрем в разрытой молнии мыслей вокруг размытым дождём в пирамидах разваленных зданий роскошных давно не тоскует но скоро разрастётся в полёте спиралью сна...

Смерть мертва.

Как и раньше.

Часть вторая: Смерч – это круто!

Газета «Телескоп мозга». Статья «Бэтмен – никогда»:

Весьма оригинальный взгляд, подаренный нам трупной «Психотеатра», видит сказку-комикс про Бэтмена именно таким.

Нагловатый и слишком обольстительный миллиардер Брюс Уэйн, вернувшись из тропического рая (где он упорно веселился с толпой целых красоток, запивая их полуголую компанию газированным льдом вперемешку с виски), сразу же увольняет старушку-уборщицу крабов, после чего саморучно шьёт себе костюм гинеколога, который превращается в бэт-форму после первой же стирки.

Знававшемуся богачу-милашке сама судьба не оставляет иного выбора, как вести разгульно-сытый образ жизни успешного холостяка, а иногда ночью ещё и летать по крышам Готэм-сити, но не внутри личного самолёта, а исключительно на двух крылах костюма летучей мыши, который даже не жмёт.

По прошествии пары отличных ночей у супергероя появляется враг. Некий Двуликий. Спивающийся неудачник, ранее занимавший какую-то должность в суде. Он сменил имя в паспорте, изуродовал половину своего уродливого лица, когда брился при неблагоприятной погоде, затем надел пи-

джак с трико – и стал Двудиким, злобно улыбнувшись на парковке возле магазина дешёвых продуктов. Ему в подмогу проник Пингвин – высокий карлик, похожий на пиццу с мясом птицы.

Далее они отправляются пить в местный стрип-бар, где к ним прилипает танцовщица-шизофреничка по кличке Ядовитый Плющ, которая считает себя растением-вегетарианцем без выходного пособия.

Вся эта чудная компашка собирается учинить Бэтмену день гнева и слабости, но у них не хватает денег на такси (да и автобус тоже). Тогда Пингвин предлагает сложную схему продажи туалетной бумаги, которая позволяет их команде заработать 300 долларов.

В это же мрачное время Готэм-сити шокирован новой угрозой в костюме – простившись с наскучившим образом безобразной жизни, из конторы самонадеянных менеджеров увольняется Селина Кайл (будущая Женщина-кошка). А погода в городе постепенно портится...

Двудикий, Плющ и Пингвин снимают квартиру на окраине, по ночам вынашивая план непонятно-спонтанной мести Бэтмену, а после – выбрасывая опустошённые бутылки водки, пива плюс портвейна. Но тут им на погибель (как бы) влетает через форточку Женщина-кошка. И сразу сообщает новость: бензин слегка подорожал.

Все не рады, не грустны. Двудикий предлагает гостье выпить, та выпивает в доме всё спиртное и уходит.

Ядовитый Плющ флиртует с Пингвином, который наря-
дился в смелый смокинг, купленный на распродаже клу-
ба патриотов. И всё бы продолжалось супер-долго, если бы
главный режиссёр «Психотеатра» не рискнул сменить поток
постановки, вбросив на нейро-сцену Джокера.

Загадочный шулер, отсидевший за неуплату штрафа в
кафетерии, появляется весьма стандартно для гениального
злодея. Он приезжает на трамвае, не расплатившись за про-
езд. А затем – резко грабит старушку-уборщицу крабов, за-
ботливо переведя её через проспект.

Бэтмен сразу берёт это дело себе на заметку. Погодка в
городе постепенно портится ещё больше...

Начинается митинг небритых синоптиков, сметающий
толпой всё на своём пути к льготам. Бэтмен героически спит
у камина, не вмешиваясь.

Зато Двумиккий знакомится с Джокером в очереди за бес-
платным супом, приводит его к ним в притон, где Ядовитый
Плющ и Пингвин бьются над разгадкой кроссворда. Джокер
веселит себя глупыми шуточками про кошек редкой поро-
ды, с упоением рассказывает анекдоты. Теперь Бэтмену точ-
но будет трудно совмещать романтические слюни с Селиной
Кайл (скрытой Женщиной-кошкой) и разборки с налоговой
службой.

Он собирается улететь в отпуск, потому что погода в
городе испортилась окончательно. Но Джокер почти пре-

пятствует этой задумке, случайно сдав своих собутыльников-друзей в трезвяк.

Пингвин, Двуликий, Ядовитый Плющ – попадают в психушку, где продолжают козни своей весёлой жизни, а Женщина-кошка решает открыть зоомагазин для слепых... Спектакль кончается тем, что на нейро-сцене появляется знак Бэтмена, направленный в тёмное небо Готэм-сити.

Хочется сказать ещё лишь одно: пусть «Психотеатр» не всегда радуется по-настоящему оригинальным подходам к репертуарным произведениям, но спектакль про Бэтмена (и его врагов) стал более чем интересным для зрителей. А замечательный актёр Илья Лиссов смотрелся в роли Бэтмена-Брюса Уэйна весьма убедительно, что тоже очень порадовало критиков и задумчивых знатоков.

На удивление уверенное «Браво!» всей труппе под руководством Александра Дюйма. Пусть таких нейро-картин будет много.

Автор статьи: Полина Лисова.

Видео с популярного Интернет-ресурса:

Довольно милая леди в халате зелёно-смачного пошива растерянно стоит на крыше темнейшего факультета по изучению живой природы.

Она слишком испугана, чтобы сдавать экзамен по животноводству даже за деньги. Эта увлекательная тётя шумно пытается отыскать выход с крыши, но быть его не может. Она

во сне. Повсюду жестокая чернота неба над городом.

Словно с другой планеты измерений к ней летит что-то страшное, падает, точно адский коршун, на крышу, расправляет полы плаща и смотрит на бедняжку-жертву обстоятельств через прорези глаз маски Бэтмена, которая изуродована глубокими порезами донельзя.

Шокированная женщина в холодном халате громко кричит что-то визгливое. Но Смерч в образе Летучей Мыши-маньяка игриво приближается к очередному факту убийства. Ничем не защищённая дама паникует в последний раз. Её отчаянно-жалобное лицо затоплено слезами.

Убийца-Бэтмен обнимает её, крепко сдавив сталью объятий. Он говорит «Смерч – это круто...» голосом девочки-подростка, которая впервые влюбилась. А дальше – бросает обречённо-кричащую женщину вниз, куда-то в чёрную тьму...

Камера бросилась за бедняжкой с крыши и застала её (смертельно-изувеченную, мёртво-разбитую) безумно-улыбающуюся шрамом от уха до уха. Зелёный халат прощально распахнут.

Взгляд камеры беспристрастно взлетает к убийце, чей силуэт медленно исчезает с поверхности крыши.

Мы весело выходим из машины, идём в придорожный магазин, где покупаем водку с пивом, а мой братец Ричард решает пострелять по продавцу за кассой (исключительно ра-

ди антискучных приколов).

После неуместного всплеска эмоций Ричи, мы вынужденно взрываем эту забегаловку и возвращаемся в машину.

Мой неуёмный брат умудрился продырявить себе ладонь, пока открывал бутылку, что совершенно его не расстроило. Даже наоборот. Он показал мне дыру в руке, его безумные глаза светились гордостью страданий.

К вечеру мы добрались до дешёвенького мотеля посреди пустыни, переночевали, схватили в качестве удобных заложников семью из трёх человек (пастырь на пенсии Джейкоб; его дочка Кейт, стеснительная + застенчивая; какой-то китаец по имени Скотт, весь похожий на японца) и все вместе отправились пересекать границу.

Было довольно весело прятаться в туалете авто-вагончика от пограничной полиции с собакой-поводырём, когда они ломались проверить нашу общую прописку. Мы справились. И поехали дальше, в Мексику.

Там нас (меня и братца) должен был повстречать мой старый уса́тый знакомый друг-приятель, местный авторитет, готовый прикрыть от властей наши злодейские души. Тут Джейкоб предложил заехать в какой-нибудь злачный бар, неожиданно для всех нас.

Нам показалась безопасной эта мысль.

А солнце незаметно проглотил закат. Прерия наполнилась темнотой, пустынный ветер обгонял нашу грузовуху, которая влетела на стоянку перед заведением развлекатель-

ного типа под названием «Крутая грудь». Мы эпично вошли внутрь бара.

Никаких кожаных плёток, идиотской музыки или усталых шлюх. Только знойные стриптиз-девки, бессменный бармен, толпы байкеров-алкашей и Дракула под видом плаката на двери женского туалета.

Всё весело. Мы купили бутылку текилы, хот-дог, ананас и что-то нужное. Сели за несвободный столик, стали пить, ожидая рассвета. Мой злобный братик попытался заигрывать с прелестной ногой одной из стриптизёрш, за что немного получил по морде этой самой ступнёй.

Но совершенно не обиделся, а просто врезал охраннику-дебилу парой выстрелов из пистолета в живот. Начинаясь лёгкий скандал.

Наши заложники статично участвовали в кроваво-быстрых разборках, порубив на куски для салата множество пьяных мужиков-provokatorov. Я талантливо дрался с тенью скучающего бармена. Сумасшедший ветеран Вьетнамской войны героически встал и вышел, пробуя закурить смоченную кровью сигару. Большое количество вампиров в купальниках неожиданно появилось повсюду.

Никто из нас не растерялся: Ричард смачно целовал ногу той самой красотки; бывший священник Джейкоб хвалил библию; его застенчивая дочка Кейт убивала палкой тараканов; японский китаец Скотт доказывал соседям-собутельникам свою расовую принадлежность; некий мужик с боро-

дой клеился к девушкам на бильярде; уснувший бармен разливал штрафные стопки с палёной водкой; один лишь я отчаянно боролся с опьянением, хотя получалось откровенно плохо.

Просторное помещение бара превратилось в нечто, адски напоминавшее студенческую столовую в период перед праздниками, в разгар свадьбы, после поминок торжественного гражданина или во время заводской пьянки. Пора бы уже и честь знать...

Ричи кричит что-то мрачное.

Я отвечаю ему невпопад.

Дети Джейкоба катастрофично числятся в школе, которую закончил пятый президент Уганды.

Красивые вампирки очаровательно желают утолить свою жажду.

Карлос (тот самый усатый авторитет для местных бандитов) вламывается в «Крутую грудь», искренне боясь пропустить всё веселье.

Он смешно смотрит на сложный погром под сводами древнего бара, после чего уводит нашу компашку прочь и подальше. Женские вампиры кушают друг друга без фраз о прощении, за неимением иной альтернативы в меню.

Мы шумно уносимся в рассвет (живые, довольные, пьяные), оставляя страшный бар на прежнем, привычном месте.

Серый сумрак закутался в закат, подгоняемый ветром пу-

стыни во сне.

Всё нечто может однажды, только не слишком долго. Пока сон не кончится...

Я приближаюсь к своему отражению внутри этой девушки. Она неотъемлемо похожа на нечто предрассветное, немое. Одежды на ней почти нет, что вполне правильно для меня.

Я чувствую вес огня, когда шёлковая девушка рыдает в страхе. Ей уже известна собственная судьба, отсутствие будущего.

Она безвыходно кричит что-то чёрное в лицо моей маски, которая изображает Сэта Гекко из «От заката до рассвета». Я вижу её псевдо-вампирский грим, после чего подхожу ближе, наливаю зелёной водки в стакан, выпиваю быстро и смотрю за горизонт взгляда моей сегодняшней жертвы.

Со сцены пустого бара звучит почти видимая музыка, повергающая в перманентный шок души скорбящих призраков. Девушка изучает мою игривую решимость с прекрасным ужасом человека, попавшего в кошмар целиком.

Я представляю раскидистый лёд внутри размякшего черепа; последний пейзаж над озером гнилого ила; спутанный вечер синего неба; бешенные выстрелы крови по венам; лишних людей без направленных действий; оптико-волоконные провода, растущие из моего затылка; нервные сухожилия, растянутые на множество километров...

Избранная девушка пытается ударить меня, но ей мешает

скованность сонных движений, скомканное отчаяние. Причинить вред мне невозможно. Здесь просто не существует таких возможностей.

Я мягко смеюсь над этой вамп-девицей, а затем роняю на неё слишком острую люстру. Легко и непринуждённо.

Она пробивает голову девушки насквозь.

Громоздкая железяка валится на бок с омерзительным звуком. Тёмно-красная кровянистая жидкость освобождённо течёт по доскам пола.

Я радостно смотрю в объектив кибер-камеры, говорю «Смерч – это круто, вы знаете сами...» и уверенно выхожу из финального кадра.

Битва совсем скоро начнётся.

Мне тогда казалась мало интересной эта затея. Ведь я простой рыбак в приморском городишке с красивым видом на Олимп. Но боги решили всё сделать по-своему. Зевс что-то не поделил с Аидом, а расплачиваться пришлось обычным людям, как всегда.

Помню, я прибыл в трактир близ царского дворца, где познакомился с одной замечательной девушкой, которая оказалась полубогиней, полупроституткой.

Мы выпили, она сказала, что собирается помочь в спасении города. Дескать, Аид натравит на нас какого-то монстра-водолаза или отключит газ (что гораздо хуже).

Я спьяну согласился поспособствовать Ио – так коротко

звали мою новую знакомую. Она провела меня во дворец, где царь города напивался с гостями, супругой и стражниками. Ио собралась прервать веселье, сообщив страшные новости о будущем разрушении, катастрофе, заморозках, инфляции и пожарах, но нас выставили за дверь без лишних объяснений.

Пришлось вернуться в трактир, собрать крутую команду бесстрашных дебилов, готовых всё спасти, а после – снова выпить.

На следующий день, сумев сперва спасти себя от похмеля, мы смело двинулись в путь непонятно куда. Наш отряд Последней Надежды состоял из самых необычных людей обречённого города: с нами был не очень добрый старичок (пенсионер-убийца, упорно не желавший помирать в госпитале); бывший военный с батарейками в голове; какой-то мужик без особых примет, считавший себя деревянным предметом; парочка молоденьких мальчиков, одетых весьма модно; бородатый охотник на оленей, куропаток и львов, который сильно любил зайчатину.

Покинув город, мы прошли пару часов по пустыне, устали, остановились на привал и... сразу же подверглись нападению (вероломному, жестокому, без всяких компромиссов). наших парней стал избивать совершенно зверский мужик-монстр, похожий на рыжего уроды-слесаря или водилу правительственной повозки. Мне просто пришлось зарубить его насмерть, не реагируя на сипливые протесты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.